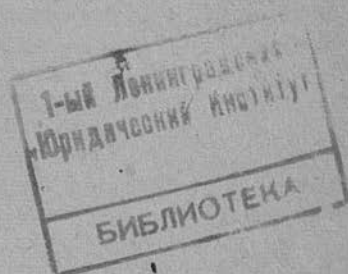

1586
ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

Доктор юридических наук
проф. Е. А. ФЛЕЙШИЦ

66485 к. гр. права
БУРЖУАЗНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
НА СЛУЖБЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО
КАПИТАЛА

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

Москва — 1948

Брошюра имеет целью показать: 1) процесс превращения основных институтов буржуазного гражданского права, прежде всего, права частной собственности, а также юридического лица и договора, в орудия служения монополистическому капиталу; 2) практическое значение названных институтов в качестве орудий служения современным монополистическим объединениям; 3) процесс распада буржуазной законности в области гражданского права, усиливающий неустойчивость экономики капиталистических стран.

Брошюра рассчитана главным образом на юристов, а также на экономистов и на лиц, интересующихся вопросами хозяйства империалистических стран.

Редактор М. Е. Коган.

Техн. редактор А. Н. Макарова.

Подписано к печати 31/V—1948 г. Печ. л. $3\frac{1}{4}$. Уч.-изд. л. 8.61. В печ. л. 46.356 зн. Формат бумаги 60х92 $\frac{1}{16}$. Зак. 333. Л-77586. Тираж 25.000.

Цена 90 коп.

Тип. Юридзата, МЮ СССР, ул. Куйбышева, д. 7/3.

I

Три института стоят в центре систем гражданского права современных капиталистических государств: 1) право частной собственности, 2) юридическое лицо и 3) договор.

Понятно, что решающую роль среди этих институтов играет институт права собственности, ибо право собственности есть основной институт не только всякого гражданского права, но и всякой системы права в целом. Тип собственности определяет основную направленность всех правовых институтов и порождает отдельные нормы, из которых эти институты складываются.

Но в процессе эксплуатации труда на основе частной собственности в условиях империализма так значительна роль институтов юридического лица и договора, что порожденные собственностью и ей служащие институты юридического лица и договора должны быть отнесены вслед за правом частной собственности к числу центральных институтов гражданского права современных капиталистических государств.

Судьба названных трех институтов в истории буржуазного права до периода империализма была неодинакова.

„Свобода собственности“ и „свобода договора“ были боевыми лозунгами буржуазии, когда она боролась за утверждение своего господства в мире против феодальных ограничений и привилегий. При этом как понятие принципиально неограниченного права частной собственности, так и понятие „свободы договора“ рассматривались с XVII в. философами и юристами как необходимые порождения и дополнения принципа личной свободы, „первоисточника“ обоих этих понятий. И даже еще в начале XX в. отдельные буржуазные юристы указывали, что „свобода собственности“, т. е. принципиальная неограниченность прав частного собственника, является логически необходимым выводом из начала личной свободы и важнейшим проявлением этого начала. Так, в статье, озаглавленной „Гражданский кодекс и философия права“, помещенной в известном сборнике „Книга столетия французского гражданского кодекса“, французский цивилист Буастель писал: „Когда гражданский кодекс определяет собственность, как наиболее полное право

пользоваться и распоряжаться вещью (ст. 544), ...когда он... провозглашает право собственника не отказываться от своей собственности даже в общественных интересах иначе, как за справедливое и предварительно уплаченное вознаграждение (ст. 545)—не ставит ли кодекс изначальные права индивида вне пределов досягаемости для государства?¹

С наименьшей определенностью объявляли философы и юристы также и принцип „свободы договора“ проявлением начала свободы личности. Для Канта договор есть не что иное, как свободно выраженная общая воля сторон, и приобретение собственности может иметь место лишь в результате общей воли сторон². Для Гегеля „отношение воли к воле есть та своеобразная и подлинная почва, коренясь в которой свобода обладает наличным бытием. Это опосредствование, заключающееся в том, что я обладаю собственностью уже не только посредством вещи и моей субъективной воли, а также и посредством другой воли и, следовательно, и некоей общей воли, составляет сферу действия договора“³.

То же повторяли великое множество раз и юристы различных буржуазных стран. Только что цитированный Буастель говорил: „Почти неограниченный суверенитет лиц, заключающих или расторгающих договоры, обеспечиваемый им гражданским кодексом (французским — Е. Ф.) является еще одним блестящим подтверждением изначального права индивида, перед которым законодатель склоняется, доколе не требуется приведение этого права в равновесие с вышестоящим интересом“⁴.

Маркс и Энгельс с исчерпывающей ясностью показали, что свобода личности, которую утверждала буржуазия, была свободой собственника от правовых стеснений, которые создавал феодальный общественный строй, что свобода собственности была не чем иным, как свободой собственников эксплуатировать тех, кто „свободен от собственности“, что „свобода договора“ есть не что иное, как прикрытие тягчайшего экономического принуждения.

Особенно ярко говорит об этом Маркс в „Капитале“, указывая, что „сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которых осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эде́м прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара... подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор, как свободные, юридические равноправные лица“. И, однако, после заключения этого договора „...один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро,

¹ Livre du centenaire du Code civil, т. I, стр. 48.

² Kant, Metaphysik der Sitten, Berlin, 1870, стр. 80—81.

³ Гегель, Философия права, перевод Столпнера, 1934, стр. 95—96.

⁴ Livre du centenaire du Code civil, т. I, стр. 48.

упирается, как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить"¹.

И во многих других местах своих сочинений Маркс и Энгельс указывали на то, какое жестокое лицемерие освящалось юридическими концепциями „свободы собственности“ и „свободы договора“. Особенно запоминается юристу замечание в „Немецкой идеологии“ по поводу одного утверждения Штирнера, при помощи которого, говорят Маркс и Энгельс, „без всяких оценок, как в юриспруденции (подчеркнуто нами. — Е. Ф.), „принятие“ отождествляется с „выбором“ и „волей“"².

Именно потому, что принципы „свободы собственности“ и „свободы договора“ открывали путь к безудержной эксплуатации трудящихся собственниками средств производства и легализовали ее, идеологи буржуазии защищали эти принципы, и ее первый крупный гражданский кодекс, „образцовый свод законов буржуазного общества“ (Энгельс)³ — французский Code civil 1804 г. — эти принципы закрепил, а все другие буржуазные гражданские кодексы с теми или иными внешними изменениями воспроизвели постановления французского гражданского кодекса.

Иным было отношение буржуазной юридической мысли и законодательства капиталистических стран на рубеже XVIII и XIX столетий и в начале XIX в. к понятию юридического лица. Французская буржуазная революция относилась к идее юридического лица с большой долей недоверия. Французская буржуазия уже боялась объединения рабочего класса. В то же время концепция юридического лица, *persona ficta*, была связана с воспоминанием о том, что преодоленном могуществе церкви, о том, что возвращенных живому обороту имущества „мертвой руки“, *biens de la main morte*, о том, что свергнутом гнете ненавистных цеховых организаций средневековья.

С другой стороны, опыт торговли, прежде всего международной, уже показал купцам полезную для них роль таких объединений, которые, выступая в гражданском обороте в качестве носителей некоторого обособленного имущества, тем самым открывали своим участникам возможность в известном смысле ограничить, ввести в некоторые пределы риск, принимаемый на себя при вступлении в объединение: внеся определенные ценности в состав имущества объединения, его участники своим остальным имуществом по обязательствам объединения не отвечали.

Позиция законодательства французской революции в отношении юридических лиц была двойственной.

¹ Маркс, Капитал, т. I, Партиздат, 1937, стр. 168, 169.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 293.

³ Энгельс, Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Энгельс, Об историческом материализме. К. Маркс, Избранные произведения, т. I, Партиздат, 1933, стр. 359.

Объединения, не преследовавшие целей извлечения прибыли, были лишены гражданской правоспособности. Торговые и промышленные объединения могли учреждаться в качестве юридических лиц с особого каждый раз разрешения в законодательном порядке.

Однако Конвент внес существенное изменение в это положение. „Надо убить объединения, разрушающие общественный кредит“, — заявил Камбесерес. И декрет 26/29 жерминаля 1794 г. постановил: „Воспрещаются объединения, известные под названием учетных советов, компаний страхования жизни и вообще все те объединения, капитал которых составлен из акций на предъявителя или занесенных в книги и свободно отчуждаемых“.

Таким образом, воспрещены были объединения акционерного типа. Существование других торговых объединений допускалось.

Но этот, по выражению одного французского цивилиста, якобинский ригоризм действовал всего два года. Законом 30 брюмера IV года Директория восстановила бытие акционерных компаний. А затем, несмотря на то, что французский гражданский кодекс 1804 г. и до сих пор не знает ни регламентации, ни даже термина „юридическое лицо“ — французский торговый кодекс 1807 г. урегулировал правовую жизнь акционерного общества как юридического лица.

И если в дальнейшем юридическая личность была признана и во Франции и в ряде других стран также и за другими торговыми объединениями, если ее присвоили также и объединениям, не преследующим целей извлечения прибыли, если в качестве юридического лица выступает и само буржуазное государство и его административные подразделения, то все же основным видом юридического лица, для каждой системы буржуазного гражданского права (в широком смысле слова, т. е. со включением торгового права) остается акционерное общество (с тем его вариантом, каким является товарищество с ограниченной ответственностью французского, германского и некоторых других законодательств).

Появившаяся в свет в 1946 г. английская работа по истории развития английских компаний (а английская *company limited by shares* и есть английский тип акционерной организации) указывает „ограниченная имущественная ответственность всех участников¹ является необходимым выводом из самого юридического поня-

¹ Выражение „ограниченная имущественная ответственность акционеров“ неточно: отдельный акционер вовсе не отвечает перед кредиторами акционерного общества. Ответственность перед кредиторами акционерного общества несет лишь общество как юридическое лицо своим имуществом. Тем самым ограничены пределы риска, который несет каждый акционер: он рискует лишь суммами, внесенными им в оплату акций и перешедшими в состав имущества акционерной компании как юридического лица. Тем не менее, выражение „ограниченная ответственность акционеров“ очень часто употребляется в английском и американском праве, а иногда в праве других капиталистических стран.

тия корпорации как правовой фигуры, совершенно отделенной и обособленной от своих участников¹.

Специально посвященная юридическим лицам американская работа 1946 г. открывается указанием на то, что термином „юридическое лицо“ охватываются настолько различные виды и типы организаций, что трудно дать определение понятия „юридическое лицо“. Но „прежде всего это слово вызывает в нас представление об организации, преследующей цели извлечения прибыли, о предприятии“. А затем, перечисляя основные признаки юридического лица, автор относит к числу этих признаков „ограниченную ответственность“ ее участников, точнее говоря, положение, в силу которого каждый участник рискует лишь суммами, внесенными им в оплату акций².

Другая американская работа по торговому праву 1946 г. говорит: „Значение корпорации заключается в ограниченной ответственности ее участников, а также в ее существовании, независимом от личности ее участников, и в методах ведения ее дел, не предполагающем личной деятельности ее участников“³.

Почти сливается понятие юридического лица с понятием акционерного общества и для многих французских юристов. Так, Рипер говорит, что хотя полное и коммандитное товарищества признаются во французском праве юридическими лицами, однако это — несовершенные, недоразвившиеся юридические лица, ибо в этих товариществах „товарищи действуют лично и каждый из них признается купцом... Надо было достигнуть современной эры, чтобы возникли товарищества, торгующие без того, чтобы какое бы то ни было физическое лицо отвечало своим имуществом по обязательствам товарищества. Торговля без торговца! Уже у средневековых коммерсалистов была мысль о том, что при помощи товарищеского договора из общей воли товарищей рождается *corpus mysticum*. Но это была очень смутная мысль. Ныне эта мысль воплощена. Юридическое лицо живет и действует в образе акционерной компании“⁴.

Точно так же Колэн и Капитан, говоря о юридической личности товариществ, исходят из того, что никогда не могла вызывать сомнений юридическая личность одного объединения: акционерной компании⁵.

Таким образом, для целого ряда — можно думать, для большинства современных буржуазных цивилистов — понятие юридического лица, в чистом, не осложненном никакими особенно-

¹ Walter Horowitz, Historical development of company law. The Law Quarterly Review, 1946, october.

² William J. Grange, Corporation Law, The Prolland Press Company, New York, 1946, стр. 3—7.

³ Harald F. Lusk, Business law Chicago, 1916, стр. 693—695.

⁴ Ripert, Aspects juridiques du capitalisme moderne Paris, Librairie générale de droit, Paris, 1946, стр. 49.

⁵ Colin et Capitant, Cours élémentaire de droit civil français, т. I, 1931, стр. 670.

стями виде, почти сливается с понятием акционерного общества. Это объясняется тем, что именно в форме акционерных обществ сложились крупные капиталистические предприятия, именно при помощи акционерных обществ осуществлялась и продолжает осуществляться концентрация капиталов, именно через акционерные общества монополистический капитал протягивает свои щупальцы ко всем областям народного хозяйства. Только что цитированная американская книга о юридическом лице указывает: „Естественно, что слово „корпорация“ прежде всего вызывает в нас представление о коммерческой организации, о предприятии, ибо на практике все наши крупные предприятия, большая часть средних и мелких ныне—корпорации“¹. Ставя вещи на голову и извращая соотношение экономических и правовых явлений, один французский экономист говорит, что капитализм не мог бы развиваться, если бы не возникли акционерные общества (как будто не развитие капитализма породило акционерные общества, а, наоборот, развитие акционерных обществ обусловило развитие капитализма). Другой французский экономист считает, что „крупное производство было бы так же бессмысленно без той юридической „находки“, какой является акционерное общество, как и без больших открытий в области физики“. А среди английских экономистов нашелся и такой, который считает акционерное общество „величайшим открытием нового времени, более драгоценным, чем открытие пара и электричества“².

Таким образом, развившись позднее концепций „свободы собственности“ и „свободы договора“, фигура юридического лица, прежде всего в образе акционерной компании, заняла первенствующее положение в буржуазной экономике и стала одним из основных понятий буржуазного гражданского права.

Все три основных института буржуазного гражданского права: „свободная“ собственность, юридическое лицо, „свободно“ совершаемый договор, в качестве важных орудий развития капитализма, послужили, разумеется, тем самым и процессу превращения капитализма в монополистический капитализм. В период же монополистического капитализма, т. е. в период империализма, все эти три института стали, прежде всего, орудием служения монополистическому капиталу. А став этим орудием и неизменно выражая неуклонное в условиях империализма обострение эксплуатации и усиление анархии хозяйственной жизни, все три института последовательно изменяют свое первоначальное правовое содержание и с непрерывающей ясностью выражают процесс распада буржуазной законности и основ буржуазного права, сложившихся в период промышленного капитализма, — то, о чем В. И. Ленин говорил словами: „Буржуазия рвет свою законность“.

¹ William J. Grange, указ. соч., стр. 3.

² См. Ripert, указ. соч., стр. 48.

Буржуазное гражданское право исходит из единого понятия „право собственности“. Оно не знает различия прав собственности на средства производства и предметы потребления, ибо установление такого различия привело бы буржуазное законодательство и науку права к необходимости признать эксплуататорский характер буржуазной собственности. Буржуазный закон утверждает формальное единство содержания права собственности, независимо от того, кому это право принадлежит. Но, служа интересам буржуазии, гражданское право капиталистических стран, всегда, прежде всего, служило и служит интересам крупной буржуазии, теснее всего связанной с аппаратом государственной власти. И именно потому, что французский гражданский кодекс, прежде всего, служил интересам крупной буржуазии, что, говоря словами товарища Сталина о наполеоновском правительстве, кодекс „сохранил только те результаты, которые были выгодны крупной буржуазии“¹, Code civil 1804 г. ввел ряд особенностей в правовой режим собственности, принадлежащей государству как комитету, управляющему делами, прежде всего, крупной буржуазии.

Такие же особенности были внесены в правовой режим государственной капиталистической собственности и другие государства.

Особый правовой режим государственной собственности всегда был почвой для широкого „правотворчества“, т. е. для многочисленных отступлений от буквы и смысла закона в интересах верхушки буржуазного общества. Этот особый правовой режим в значительной мере подготовил правовой режим особенно развившихся во время первой, а затем и второй мировой войны так называемых „товариществ смешанной экономики“ (Sociétés d' économie mixte) — типичного продукта процесса сращивания финансовой олигархии с государственным аппаратом, о которых будет сказано дальше (см. стр. 35—38 настоящей работы).

Существенные различия были внесены буржуазным гражданским правом и в режим частной собственности на недвижимые вещи, с одной стороны, и на движимые — с другой.

Французский гражданский кодекс очень заботился о том, чтобы подчеркнуть свободу собственности на недвижимости. Это было исторически обусловленное стремление как можно яснее подчеркнуть уничтожение всех следов феодальной зависимости и иерархии земельных имуществ. В применении к недвижимым имуществам было конкретизировано общее начало, выраженное в ст. 544 кодекса, гласящей, что собственнику принадлежит „наиболее полное право пользоваться и распоряжаться

¹ Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, Партиздат, 1937, стр. 10.

вещами": развивая это общее положение в отношении права собственности на недвижимость, ст. 552 постановила, что "собственность на землю включает в себя собственность на то, что находится сверху, и на то, что находится снизу". Иначе говоря, собственник земельного участка признается также и собственником недр земли и воздушного пространства над тем же участком.

Тем не менее выдержать "наиболее полный характер" собственности на недвижимость ни французскому гражданскому кодексу, ни последовавшим за ним в различных странах законам не удалось. Именно право собственности на недвижимость оказалось тем видом собственности, для которого получила практически важный смысл оговорка только что цитированной ст. 544 о том, что осуществление права собственности не должно противоречить законам и регламентам. "Законами и регламентами" был установлен ряд ограничений прав собственника недвижимого имущества.

Чем вызывались эти ограничения? Тем, что оборот с земельными имуществами значительно уступал в своем развитии обороту с движимостью, тем, что земля представлялась законодателю объектом особо устойчивого, относительно мало подвижного обладания, и тем, что круг недвижимых объектов права собственности неизбежно ограничен, а каждый земельный участок по своему расположению и природным свойствам индивидуален.

Что это были за ограничения? Одни из них вытекали из отношений соседства, обусловленных расположением и естественными свойствами земельных участков, другие были обусловлены неустраняемыми потребностями передвижения по чужой земле: как право прохода, проезда, бечевники и т. п.

Но по мере того, как развитие техники открывало человеку все большие богатства в недрах земли и все большую власть в воздушных пространствах над землею и по мере того, как эти достижения техники открывали все новые источники нетрудового дохода для капиталистов,—содержание права собственности на недвижимые имущества изменяется, все более отличаясь от права собственности на движимые вещи. Уже объяснительная записка к проекту швейцарского гражданского кодекса в 1902 г. говорила, что "без тяжкого нарушения интересов с одной или другой стороны нельзя подчинить движимости и недвижимости одним и тем же нормам"¹.

Специальные нормы, которые законодательства капиталистических стран конца XIX и начала XX в. посвятили праву собственности на недвижимые имущества, образовали в совокупности тот процесс изменения этого права, который получил в буржуазной юридической литературе название "социализации права собственности", "превращения субъективного права собственности

¹ Erläuterungen zum Vorentwurf, 1902. стр. 476.

в социальную функцию" и который означал в действительности последовательное ограничение прав менее крупных, средних и мелких собственников земли в интересах монополистических промышленных и транспортных предприятий.

Германский гражданский кодекс (ст. 905), так же как и французский гражданский кодекс (ст. 544), признает за собственником земельного участка право на недра и на воздушное пространство над поверхностью земли. Однако тут же германский кодекс добавляет, что "собственник не имеет права запретить воздействие на участок, которое осуществляется на такой высоте или на такой глубине, что он, собственник, не имеет интереса в устранении такого воздействия". А ст. 906 германского гражданского кодекса постановляет: "Собственник земельного участка не имеет права запретить проникновение на его участок газа, пара, запаха, дыма, копоти, тепла, сотрясения и других подобных воздействий на участок, исходящих из другого участка, поскольку такое воздействие лишь незначительно стесняет пользование данным участком или возникает вследствие обычного в местных условиях пользования другим участком".)

Однородные и даже более ясные и детальные положения содержит и швейцарский гражданский кодекс. Он тоже дает собственнику земельного участка право собственности на недра и на воздушное пространство над участком, но уже только на такой глубине и на такой высоте, которые могут быть полезны для осуществления собственником своего права на участок (ст. 667). (Он также обязывает собственника терпеть проникновение на его участок с другого участка дыма и гари, неприятных "эманаций", шума, сотрясения и т. п., "не превосходящее тех пределов, в которых такое проникновение взаимно обязаны терпеть соседи в соответствии с местными обычаями, расположением и природой участков" (ст. 684). Но швейцарский гражданский кодекс уже обязывает собственника также и допускать прокладку через его участок акведуков, подземных стоков воды, газопроводов, воздушных и подземных кабелей, поскольку соответствующие сооружения не могут быть выполнены иным способом вообще или иначе, как с чрезвычайными расходами (ст. 691).)

Кроме того, "естественные силы" участка, "поддающиеся присвоению и не включенные особо в состав недвижимости", уже отнесены швейцарским гражданским кодексом к числу движимых имуществ (ст. 713), собственник которых принципиально отнюдь не совпадает в лице с собственником земельного участка, на котором соответствующие силы, например, движущая сила воды, непосредственно проявляются.)

Таким образом, первые гражданские кодексы периода империализма: германский и швейцарский внесли существенные ограничения в правомочия собственника земельного участка и

тем самым открыли монополистическим промышленным и транспортным организациям законную возможность беспрепятственно и без вознаграждения собственников использовать недра чужой земли и воздушное пространство над чужим земельным участком всякий раз, когда в их использовании „не имеет интереса“ собственник земельного участка. А „не имеет он такого интереса“, т. е. не в состоянии их использовать всякий раз, когда это средний либо мелкий собственник, которые, разумеется, ни разработки недр не организуют, ни кабели под землю не проложат, ни линии передачи электрической энергии не соорудят и т. п. По швейцарскому гражданскому кодексу газопровод, кабель, линия передачи могут пройти через чужой участок даже в том случае, когда проведение их в ином месте вызвало бы для монополиста „чрезмерные издержки“. А „естественные силы“ земельного участка, по общему правилу, оказываются объектом права собственности не собственника участка, ибо они в принципе — имущество движимое.

Процесс неуклонного роста влияния монополистических предприятий, который отразился в изложенных постановлениях первых гражданских кодексов периода империализма, не мог, конечно, не повлиять и на французское законодательство. И если ст. 552 французского гражданского кодекса осталась неизменной до сих пор, то ряд специальных, не включенных в состав кодекса законов, начиная с середины XIX в. значительно изменил режим поземельной собственности. Круг этих постановлений оказался значительно расширенным после первой мировой войны. Рядом законов и законов-декретов¹ 1919—1938 гг. определен заново режим концессий на эксплуатацию недр земли, ранее регулировавшийся законом 1810 г. Ныне эксплуатация рудников осуществляется только на основании срочной концессии, предоставляемой государством. Концессионером может оказаться и собственник земной поверхности, но как таковой он никаких прав на рудник не имеет. В действительности концессионерами являются обыкновенно монополистические акционерные компании, а государство участвует в их прибылях. По истечении срока концессии соответствующее месторождение ископаемых поступает в распоряжение государства. Ряд других законов 1919—1938 гг. определил порядок пользования движущей силой воды так называемым „белым углем“. Движущая сила воды признана объектом особого права, отличного от права собственности на соответствующее водное пространство: никто, не исключая и собственника этого последнего, не вправе эксплуатировать движущую силу воды без особой на то концессии или разрешения (для менее крупных предприятий) госу-

¹ Так назывались акты, издававшиеся в срочном порядке президентом по представлениям правительства и подлежащие после введения в действие утверждению парламентом.

дарства/ Концессия (разрешение) предоставляется на срок от 30 до 75 лет, а концессионером неизменно оказывается монополистическое предприятие, организованное в форме акционерного общества. В качестве компенсации за оказываемое концессионеру — акционерному обществу — финансовое содействие государство вправе получить часть акций и, участвуя в прибылях концессионера, назначает своего представителя в состав правления общества. По истечении срока концессии все возведенные концессионером сооружения поступают безвозмездно в собственность государства./ Несколько постановлений было издано в интересах воздухоплавательных компаний: в 1924 г. закон признал право летательных аппаратов совершать полеты над любым земельным участком „в условиях, не нарушающих осуществление своих прав собственником участка“; в 1935 г. закон установил „сервитуты в интересах воздухоплавания“, состоящие в том, что собственникам земельных участков, расположенных на известном расстоянии от аэродромов, хотя бы и частновладельческих, воспрещается возводить или сохранять на своих участках сооружения и насаждения, препятствующие полетам летательных аппаратов, а правительству предоставляется право осуществлять снос препятствий, нарушающих безопасность воздухоплавания./

/Общие положения германского законодательства были после первой мировой войны также дополнены особыми положениями в интересах воздухоплавательных компаний; закон 1922 г. о воздушном транспорте установил свободу полетов над всяким земельным участком, занесенным по требованию воздухоплавательной компании после обследования экспертной комиссией в особый реестр./

Сохраняющийся в Англии до сих пор, несмотря на реформы 1922—1925 гг., полуфеодалный характер поземельной собственности также не препятствует особой охране интересов монополистических предприятий./Интересы компаний, сооружающих железные дороги, каналы и т. п., обеспечиваются порядком их возникновения по специальным актам парламента, предусматривающим принудительное отчуждение для них чужой земли и другие льготы./

/Таково же и положение в США: транспортные предприятия, предприятия электрической промышленности и т. п. возникают в особом порядке с предоставлением им права использовать и изымать в свою пользу чужие недвижимые имущества^{1/}

Изменения права собственности на недвижимые имущества демагогически выдаются французскими, английскими, американскими юристами и юристами других буржуазных стран за „глубокую трансформацию“, за перерождение права собственности на

¹ См. William J. Grange, указ. соч., стр. 16; Lusk, указ. соч., стр. 696—697.

недвижимость, за превращение ее в „социальный“, т. е. якобы служащий интересам всего общества институт.

В действительности все перечисленные изменения содержания права собственности на недвижимые имущества, ограничения его „свободы“, т. е. сужение круга правомочий собственника, имеют одинаковую цель, одинаковую социальную направленность: все они служат интересам монополистических промышленных, транспортных и других организаций, так же бесцеремонно и цинично принося в жертву им интересы средних и мелких поземельных собственников, как обычно приносятся в жертву интересы трудящихся.

Все они явственно выражают тот процесс сращивания верхушки монополистического финансового капитала с государственным аппаратом, который так ярко показан в замечательной книге В. И. Ленина „Империализм, как высшая стадия капитализма“.

Если на развитие права собственности на недвижимые имущества в значительной мере влияла количественная ограниченность этих имуществ и индивидуальный характер каждого из них, то развитие правового режима движимых имуществ более всего определялось тем, что для буржуазного гражданского права движимая вещь есть, прежде всего, товар, неизменно возрастающий в количестве и в принципе заменимый. Внимание буржуазного законодателя прежде всего направлено на сферу распоряжения движимыми вещами, которая является основной сферой извлечения прибыли из движимости. Развитие разнообразных способов отчуждения движимых имуществ составляет одну из отличительных черт развития оборота с этими вещами в период империализма. Огромное значение приобретает морской коносамент, по выражению одного германского юриста, „обошедший весь мир“ в качестве товарораспорядительной бумаги. Товар находится в движении, он плывет на морском корабле. Но иногда гораздо более интенсивно в это время движение коносамента, выданного пароходством грузоотправителю по принятии груза к перевозке; нередко до момента прибытия товара в порт назначения коносамент несколько раз перейдет из одних рук в другие, ибо передача коносамента означает перенесение права собственности на перевозимый по коносаменту товар. Товар обыкновенно погружен на пароход отправителем потому, что отправитель продал товар. Указанный же в коносаменте адресат, получатель товара, обыкновенно купил этот товар не для того, чтобы потребить его, а для того, чтобы, в свою очередь, продать его с барышом. И если конъюнктура тому благоприятствует, продать как можно скорее, отнюдь не дожидаясь прибытия груза, продать „по коносаменту“, передав коносамент новому приобретателю товара, который очень часто, в свою очередь, продает товар, передав коносамент в новые руки. Таким образом, действительным полу-

чате́лем товара от пароходства часто оказывается третий, четвертый или последующий держатель коносамента. Такой порядок перенесения права собственности на движимые вещи, на товар получил в международной торговле огромное распространение в форме договоров продажи товара на условиях *cif* или *fob*¹. Спекулятивная сущность соответствующих сделок, направленных на обеспечение покупателя не возможности потребить товар, а возможности перепродать его с барышом, выступает в этих сделках настолько явственно, что в английской литературе была даже выдвинута конструкция купли-продажи на условиях *cif* и *fob* как договора не о продаже товаров, а о продаже документов, коносаментов.

Для ускорения процесса перенесения права собственности на движимые имущества на основе спекулятивных сделок, а равно и для облегчения залога их в целях обеспечения банковского кредита были созданы складочные свидетельства, документы, выдаваемые товарными складами, элеваторами, доками и т. п., принимающими на хранение, особенно в США, Канаде, а также в Англии, Франции, огромные количества чужих товаров. Передача в установленном порядке, с совершением передаточной надписи, такого складочного свидетельства выражает перенесение права собственности на товар: один собственник заменяется другим, а товар пребывает неподвижно на товарном складе. В целях еще большего облегчения и развития спекуляции с движимыми имуществами некоторые страны, например Франция, ввели для товарных складов систему так называемого двойного документа: приняв товар на хранение, склад выдает два тождественных документа—складочное свидетельство и варрант. Для залога хранящегося на складе товара достаточно передачи покладчиком другому лицу варранта, который может быть затем передан дальше, в новые руки. Для перенесения права собственности на товар достаточно передачи покладчиком в новые руки складочного свидетельства, которое, разумеется, может переходить из рук в руки неограниченное число раз. Так, в интересах наибольшей „мобилизации“ движимости и в интересах облегчения форм обеспечения банковского кредита

¹ Договоры продажи на условиях *cif* получили свое название от начальных букв трех английских слов: *cost* (цена) товара, *insurance* (страхование), *freight* (фрахт) в соответствии со включением по этим договорам в покупную цену также и расходов по страхованию товара на время его морской перевозки и фрахта, т. е. оплаты перевозки морем. Страхование товара и заключение договора с перевозчиком о доставке товара по указанию покупателя входит в круг обязанностей продавца. Договор *fob* получил название от начальных букв трех других английских слов: *free on board*, что означает „свободно на борту парохода“. По этому договору покупная цена товара обнимает также и расходы по доставке товара в морской порт и погрузке его на борт парохода, что составляет обязанности продавца. По обоим договорам покупатель несет риск случайной гибели и случайной порчи товаров с момента погрузки товара на борт парохода.

развивается „символическая“ передача материальных вещей. передача так называемых товаро-распорядительных „товарных“ ценных бумаг, символизирующая и заменяющая материальную передачу вещей, и тем самым перенесение права собственности на вещи, так же как установление залога. Многие буржуазные юристы усматривают в этой „символической“ передаче материальных вещей то, что они называют „спиритуализацией“ гражданского оборота. В действительности „символическая“ передача вещей и перенесение таким путем права собственности выражают лишь спекулятивный характер соответствующих сделок и интерес собственника на мгновение“ единственно к праву продать,—разумеется, с барышом—предмет своего права собственности.]

В период империализма изменились не только формы оборота с движимыми вещами. Значительно изменилось и самое содержание понятия права собственности на движимые вещи, ибо важнейшим объектом права собственности становится новая своеобразная движимая вещь, вещь в условном смысле слова.

Уже ст. 529 французского гражданского кодекса объявила движимыми вещами „акции и доли в финансовых торговых или промышленных компаниях, хотя бы компаниям принадлежали недвижимые имущества, связанные с этими предприятиями“. Судебная практика и литература отнесли к числу движимых вещей не только акции и доли, т. е. паи в компаниях, но также и облигации, рентные обязательства, векселя. Одним словом, со времени издания французского гражданского кодекса все более важную роль играет особая категория движимых объектов права собственности: денежные ценные бумаги.

Один из персонажей английского романиста Гелсуорси говорит: „В моей семье никогда не было земель, у нас были только бумаги“. Праву собственности на главнейшее из основных средств производства, на землю как богатство противопоставляется право собственности на куски бумаги! А между тем [это противопоставление юридически вполне правомерно и в условиях империализма обосновано экономически, ибо бумагам, о которых идет речь, присвоено особое юридическое значение. Эти бумаги удостоверяют правовое положение их собственника, далеко не исчерпывающееся правом собственности на бумагу. В каждой из этих бумаг выражено обязательственное денежное требование (иногда также и „право участия“. Например, в акции выражено не только право на участие в прибыли акционерного общества, т. е. на дивиденд, и на долю его имущества в случае его ликвидации, но и право участия в общих собраниях акционеров и т. п.). В этом обязательственном денежном требовании и заключается экономическое значение ценных бумаг, обусловившее их существование в качестве объектов права собственности: право собственности на бумагу есть необходимое условие осуществления выраженного в ней денежного требования.] Уже

66485 к.ф.правов

Маркс разъяснял: „Акции железнодорожных, горных, паровых и других обществ являются представителями действительного капитала, именно капитала, вложенного и функционирующего в этих предприятиях, или денежной суммой, авансированной участниками с целью затратить ее в этих предприятиях как капитал... Однако данный капитал не существует вдвойне, — один раз как капитальная стоимость титула собственности, акций и другой раз как капитал, действительно вложенный или подлежащий вложению в упомянутые предприятия. Капитал существует лишь в этой последней форме, и акция есть лишь титул собственности, *pro rata* (пропорционально), на реализуемую им прибавочную стоимость“. Однако „самостоятельное движение стоимости... подтверждает иллюзию, будто они образуют действительный капитал наряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулами которых они, может быть, являются... Они становятся товарами, цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается... В действительности все эти бумаги суть не что иное, как накопленные притязания, юридические титулы на будущее производство...“¹

„Капитализму вообще свойственно... отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц“, — говорит Ленин, указывая далее, что одной из характерных черт, рождаемых в период империализма громадным скоплением в немногих странах денежного капитала; является... „необычайный рост... слоя рантье, т. е. лиц, живущих „стрижкой купонов“... лиц, профессией которых является праздность“².

Дальнейшее развитие империализма полностью подтвердило это указание Ленина.

Ленин указывал, что, по исчислениям на 1910 г., общая сумма ценных бумаг составляла в мире 815 миллиардов франков. А в 1937 г. акции и облигации, котировавшиеся на одной только парижской бирже, составляли, по подсчетам французских экономистов, сумму в 423 миллиарда. Во время же второй мировой войны французские экономисты исчисляли стоимость „французского портфеля“ в 700 миллиардов франков золотом. При этом приводимые ими данные охватывали только бумаги, котировавшиеся на бирже, не касаясь векселей, банковых билетов и т. п. По тем же подсчетам, движимое имущество составляли в 1913 г. 59,9% национального достояния Франции, а недвижимые — всего 41,1%.

По подсчетам американских экономистов, так называемые чистые, т. е. направленные на создание средств производства,

¹ Маркс. Капитал, т. III, ч. 2, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 5, 7.

² В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. XIX, стр. 118, 152.

капиталовложения за время с 1907 по 1935 гг. упали с 12,2% до 6,9% по отношению к народному доходу. Этому падению чистых капиталовложений соответствовал неизменный рост фиктивного капитала.

Важной роли того вида движимых вещей, которым являются ценные бумаги, не могли, конечно, не заметить и юристы империалистических стран, не понимая или не желая понимать действительных экономических причин роста их значения.

Английский юрист Дженкс говорит: „Когда наши предки говорили о *chattels*, то они подразумевали под этим словом быка, овцу, меч, молот, домашнюю утварь... орудия труда“¹.

И в настоящее время „в своей значительной части права собственности относятся к таким предметам, как земля, здания, рудники, обстановка, платья, картины, экипажи и все бесчисленные предметы торгового оборота“. Но „постепенное развитие промышленности и еще в большей степени торговой деятельности создало в конечном итоге другой и совершенно отличный от первоначального тип движимости; ценность ее определяется не ее физическими, а правовыми свойствами, т. е. содержанием, которое вкладывается в это понятие юриспруденцией. Если рассматривать вексель на сто ф. ст. как физический предмет, то он, может быть, стоит меньше пенни; если его считать за обещание уплаты, данное состоятельным человеком, то он может стоить сто ф. ст. Так же обстоит дело с облигациями, акциями, страховыми полисами и с множеством других *things in action* имуществом в долговых требованиях“².

О том же, несколько расширяя характеристику изображаемого положения, говорит французская литература. В книге „Юридический аспект современного капитализма“ Рипер указывает: „Собственность на материальные вещи дает человеку радость личного непосредственного пользования. Владелец прекрасной виллы или картины наслаждается обладанием и знает, что только право собственности обеспечит ему неограниченность этого обладания во времени, его вечность. Но современный человек больше не чувствителен к надежности завтрашнего дня. Слишком много имущества было уничтожено в последние полвека насилиями войн, для того чтобы человек еще верил в вечность собственности. Он ценит единственно быструю радость переходящего обладания. Роскошная жизнь в доме, снятом в наем, или в большом отеле дает ему столько же удовольствия, сколько право собственности на замок. У отцов были дома, сыновья проводят досуги в отелях морских побережий или горных высот и обладают“... бумагой“³.

¹ Дженкс. Английское право, перев. Л. А. Лунц, стр. 250, 276.

² Дженкс, указ. соч., стр. 276.

³ Ripert, указ. соч., стр. 140—141.

Этот важный вид движимости причинил и причиняет немало трудностей буржуазным юристам: практикам и представителям науки, а также и законодателю.

Судебная практика разных стран попыталась применить к этим движимым вещам общие положения о праве собственности на движимые вещи, но это оказалось невозможным. Если владение этими вещами не отличается от владения всеми другими вещами, то уже пользование ими есть, конечно, пользование особого рода. Что в самом деле значит „пользование акцией?“ — очевидно, осуществление прав акционера, т. е. участие в общих собраниях акционеров, получение дивиденда и т. п. Что общего между таким „пользованием“ ценной бумагой и цивилистическим понятием пользования лошадью, мебелью и т. п.? Понятно, что и распоряжение ценными бумагами оказалось невозможным подчинить правилам о распоряжении другими движимыми вещами. Никогда собственность на именные или ордерные бумаги не перейдет ни путем традиции этих бумаг, ни путем соглашения между отчуждателем и приобретателем, как то происходит, когда дело идет о движимых вещах в собственном смысле слова, ибо в ценных бумагах „право на бумагу следует за правом из бумаги“, за выраженным в бумаге обязательственным требованием. Только в бумагах на предъявителя „право из бумаги следует за правом на бумагу“. Но и здесь приобретение добросовестным приобретателем от несобственника поставлено в особые условия: так называемое вызывное производство парализует охрану добросовестного приобретателя бумаги на предъявителя от лица, не управомоченного на ее отчуждение. Правило французского гражданского кодекса *en fait des meubles la possession vaut titre*: в отношении движимостей владения равносильно праву основания (ст. 2279 французского гражданского кодекса) не действует в отношении бумаг на предъявителя: владелец бумаги на предъявителя не предполагается ее собственником, если держатель бумаги, утративший владение ею помимо своей воли, осуществил формальности вызывного производства, т. е. сделал в установленном порядке публикацию об утрате бумаг. То же имеет место в праве английском и американском. А § 952 германского гражданского уложения общим образом для всех запечатленных на бумаге прав требования, кроме требований на предъявителя, говорит: „Право собственности на долговой документ, выданный в удостоверение права требования, принадлежит кредитору по требованию“.

Но если таким образом обязательственный характер права, выраженного в ценной бумаге, значительно изменил содержание права собственности на нее, то в целом ряде случаев оказалось, что право собственности на бумагу в подлинном смысле слова вовсе не фигурирует в составе имущества лица, извлекающего экономические выгоды из этой бумаги. Если такая бумага

является бумагой на предъявителя и если она находится на обезличенном хранении, в управлении у другого лица или поступила на счет ее обладателя в банке, то обладатель бумаги перестал быть ее собственником: его право собственности на бумагу превратилось в обязательственное требование к хранителю бумаги, к банкиру, выраженное в расписке последнего о поступлении к нему бумаги. Положение складывается совершенно так же, как при внесении в банк денежного вклада: банк становится собственником денежных знаков, клиенту принадлежит лишь требование к банку в размере суммы, выраженной во внесенных денежных знаках.

Французские цивилисты Леви, Рипер, Кокар и другие говорят, что такая парадоксально соответствующая экономическим интересам собственника утрата права собственности на ценную бумагу приводит к тому, что в важнейшей сфере отношений, связанных с движимыми имуществами, а именно в сфере отношений, связанных с ценными бумагами, „обязательство все более вытесняет право собственности“. Леви даже предлагает формулу: „la substitution à un régime de possession d'un régime des valeurs“, — „замена режима владения режимом ценностей“. А Рипер констатирует: „гражданское право переходит от владения к требованию и, не подчеркивая этого, изменяет смысл слова „собственность“¹.

Эти „изменения смысла права собственности“ сказались длинным рядом резко отрицательных последствий на хозяйственной и правовой жизни империалистических стран и даже те юристы, которые верят или притворяются, что верят в новый социальный характер права собственности на недвижимость, вынуждены признать „антисоциальный“ характер, который приобрело право собственности на тот своеобразный вид движимых имуществ, каким являются ценные бумаги.

Французский юрист Рипер говорит, что „капиталистический строй создал или по крайней мере развил до крайних пределов форму собственности, которая не в состоянии осуществлять никакой социальной функции, ибо она не требует никакой хозяйственной эксплуатации, форму собственности, сводящейся к пользованию без осуществления собственником не только каких бы то ни было правовых обязанностей, но даже и фактических действий, если не считать действия, заключающегося в инкассировании доходов от ценных бумаг, собственность — пользование без какой бы то ни было личной деятельности без ответственности“².

Выше уже приведены высказывания английских и американских экономистов, указывавших на вредные экономические последствия неуклонного роста фиктивного капитала.

¹ Riper, указ. соч., стр. 128.

² Там же, стр. 142, 149.

И буржуазные юристы, как например Рипер, сочиняют нелепые проекты законов, которые, установив соотношение стоимости недвижимой и движимой собственности в руках одного собственника, „привязали бы“ его к недвижимой собственности, „оздоровили бы“ собственность движимую. Понятно, что эти проекты продиктованы страхом за судьбу обоих видов собственности, страхом за судьбу 200 семейств, обладающих основной частью народного богатства.

Отдельные буржуазные юристы вынуждены признать не только особенно ярко выраженный паразитический характер собственности на ценные бумаги. Они отмечают и другие явления, тревожные, прежде всего, для тех же монополистических организаций как участников разнообразных договоров. Недаром Рипер говорит, что собственность на ценные бумаги — это „собственность без ответственности“ — *propriété sans responsabilité*. Ценные бумаги, прежде всего, на предъявителя, — это имущество, которое оказывается фактически забронированным от взыскания кредиторов. Об этом свидетельствует юридическая литература всех современных империалистических государств, в одних случаях совсем того не желая, в других констатируя бессилие законодателя перед все растущим злом и сочиняя вздорные проекты его преодоления. Особенно интересно то, что написано по этому поводу во Франции, где в период времени между первой и второй мировыми войнами и особенно после второй мировой войны целый ряд мероприятий в целях „смягчения“ экономических последствий войны и „оздоровления“ оборота вызвал оживленные отклики и в литературе.

Когда-то, говорят французские юристы, купец тщательно скрывал свой пассив. Но наличие актива трудно было скрыть, если он состоял из земель, домов, предприятий и т. п. Теперь актив окружен такой же тайной, как и пассив. Ценные бумаги хранятся в банке. Банк соблюдает банковскую тайну. Такую же тайну обязан соблюдать биржевой маклер, совершающий сделки с ценными бумагами. Бумаги, хранящиеся в банковских сейфах, если о них известно взыскателю, не считаются хранящимися у банка, и банк не выдает их лицу, желающему обратить взыскание на имущество нанимателя сейфа, а собственник бумаг имеет полную возможность изъять их из сейфа, прежде чем на них опустится рука кредитора: такую возможность дает ему порядок обращения взыскания, обязывающий взыскателя за 24 часа предупредить ответчика об обращении взыскания на определенное имущество ответчика. Один французский цивилист пишет, что это как раз достаточный срок для того, чтобы ответчик мог опустошить свой сейф. А другой говорит, что самый богатый человек „выступает нагим в мире правовых отношений, лишенным всего своего имущества“ и меланхолически добавляет: „До 1867 г. хотя бы в сфере торговых отношений существовало личное задержание за долги — теперь

утвердилась концепция обязательства как связи между двумя имущественными массами. Но чего стоит такая связь, если одна из имущественных масс превращена в пустое место?..

Таким образом, ценные бумаги изменяют уже не только смысл слова „собственность“, но и смысл слова „обязательство“.

(Ускользая от взыскания кредиторов, ценные бумаги ускользают, конечно, и от государственного обложения.) В 1934 г. президент США Франклин Рузвельт говорил: „Самый бедный фермер в США не уйдет от налогов, а рантье, владеющий ценными бумагами на огромные суммы, часто не платит казне ни одного доллара“. В США распространено выражение: налоговый иммунитет доходов от ценных бумаг.

Чрезвычайно характерна длинная сеть мероприятий, которые, начиная с первой войны, в разные моменты своей истории осуществляла Франция, якобы стремясь уловить *valeurs mobilières* движимые ценности, которые стали по выражению одного французского цивилиста, *valeurs trop mobiles*, слишком подвижными ценностями. По законам 1918 и 1923 гг. наследник не вправе вступить во владение ценными бумагами наследодателя, хранящимися в его банковском сейфе, иначе как в присутствии нотариуса, который обязан известить соответствующий налоговый орган о часе открытия сейфа. Всякое лицо, имеющее доступ к сейфу, в силу доверенности нанимателя сейфа обязано при каждом осуществлении такого доступа регистрироваться в банке, удостоверяя, что его доверитель жив. Даже во французской буржуазной литературе нашлись люди, которые назвали этот закон „смешным“¹. Никакая отметка перехода по наследству именных акций в акционерной книге не допускается без представления удостоверения об уплате налога с наследства. Если наследник вынужден продать часть унаследованных им акций для уплаты налога с наследства, то акционерное общество и должностные лица, участвующие в осуществлении этих действий, обязаны сообщать о них налоговым органам. Французский закон 1941 г. допустил отчуждение акций на предъявителя не иначе, как при посредстве биржи. В 1942 г. закон воспретил на будущее время выпуск акций на предъявителя и обязал всех держателей акций на предъявителя, выпущенных ранее, передать эти акции на хранение особому государственному учреждению: *Caisse centrale de dépôts et virements*. И все-таки всех этих мер, технически сложных, влекущих за собой целую систему штрафов, оказалось недостаточно, и в 1942 г. была введена уголовная ответственность за неуплату налогов. Когда же законом 1945 г. был введен „налог национальной солидарности на восстановление народного хозяйства“, то на день уплаты этого налога была отменена банковская тайна: правительство было

¹ Ripert — Baulanger, *Traité élémentaire de droit civil* de Marcel Planiol, т III, 1946, стр. 715.

в состоянии получить точные сведения о хранившихся в банках ценных бумагах. Но это было только на один день.

Таким образом, новый вид движимых вещей, ставших в период империализма одним из основных объектов права собственности, неизбежно служит почвой для бесчисленного множества правонарушений, а борьба с ними, неизбежно неискренняя и непоследовательная, не может эти правонарушения преодолеть. Рантье, особенно ярко выражающий паразитический характер собственности в период империализма, тяжело расшатывает и начало гражданской ответственности по обязательствам и устойчивость налоговой системы империалистических стран. А все меры „борьбы“ с этими явлениями бесплодны, ибо рост числа рантье, как указывает В. И. Ленин, — это одна из характерных черт империализма, и, не уничтожив империализм, как монополистический капитализм, невозможно уничтожить отдельные его проявления, в частности, в сфере правовых отношений.

III

Вопрос о праве собственности на ценные бумаги неразрывно связан с вопросом о юридическом лице. Должниками по требованиям, „инкорпорированным“ в ценных бумагах, являются главным образом юридические лица. Но в условиях империализма держателями ценных бумаг также являются сплошь и рядом юридические лица. Holding company или holding trust англо-американского права — это юридическое лицо, созданное другими юридическими лицами, которые образуют капитал нового юридического лица, оплачивая его акции. Акции дочерних филиальных и т. п. акционерных обществ, всех тех предприятий, которые американское гражданское право называет subsidiary, принадлежат акционерным обществам, создавшим дочернюю организацию. Крупнейшими акционерами различных акционерных обществ являются банки, сосредоточивающие таким образом в своих руках возможность влияния на разнообразные области народного хозяйства.

Облигации также выпускаются акционерными компаниями, а равно и другими юридическими лицами. Понятно, что и держателями облигационных займов являются сплошь и рядом юридические лица.

Всевозможные другие ценные бумаги также выпускаются, а в огромном числе случаев и приобретаются юридическими лицами.

Основной с точки зрения капиталиста положительной чертой института юридического лица является открываемая этим институтом возможность рассчитать пределы риска, который капиталист принимает на себя, осуществляя тот или иной вид хозяйственной деятельности. Юридическое лицо участвует в гражданском обороте как субъект права, как обладатель своего имущества, носитель своих имущественных прав и обя-

занностей, обособленных от прав и обязанностей участников этого юридического лица.

Si quid universitati debetur singulis non debetur nec quod debet universitas singuli debent, говорили римские юристы: то, что причитается объединению, не причитается его участникам, долг объединения не есть долг его участников. И главное, конечно, в последнем: долг объединения не есть долг его участников, участник юридического лица не отвечает по его обязательствам¹. Капиталист внес определенные имущественные ценности в состав имущества юридического лица. Если юридическое лицо окажется несостоятельным, эти ценности, ставшие частью имущества юридического лица, могут оказаться обращенными на удовлетворение претензий кредиторов юридического лица. Но никакое другое имущество капиталиста на покрытие обязательств данного юридического лица обращено быть не может.

Понятно, что эта возможность рассчитать пределы принимаемого на себя риска открывала и возможность собирать крупные капиталы юридических лиц из мелких взносов отдельных участников юридического лица. Ограниченный при помощи института юридического лица риск участвующего в торговом обороте физического лица или, как не вполне точно выражается юридическая литература разных стран, ограниченная имущественная ответственность физического лица есть основное благо и основная причина развития, влияния и могущества юридических лиц буржуазного гражданского права. На почве этого блага акционерное общество и стало основной организационной формой крупного капиталистического предприятия.

В период империализма открываемая институтом юридического лица возможность собирать крупные капиталы из мелких взносов утратила большую часть своего прежнего значения для капиталиста: эту возможность в значительной мере обесценил процесс концентрации капиталов. Но зато тот же процесс сделал особенно ценным для капиталиста благо „ограниченной ответственности“ само по себе: участвуя в многочисленных и разнообразных предпринимательских организациях с правами юридического лица, капиталист в каждой из этих организаций получает или во всяком случае вправе получать прибыль. Но, неся ущерб вследствие несостоятельности одной из этих организаций, капиталист может значительно перекрыть этот ущерб прибылью, полученной в другой. Физическое лицо словно юридически умножается при помощи юридического лица: в качестве

¹ Возможно, конечно, и установление законом ответственности участников юридического лица по его обязательствам. Так отвечают, например, участники полного товарищества, признаваемого во Франции юридическим лицом. Но участники акционерного общества, основного в империалистических странах вида юридического лица, так же как участники товарищества с ограниченной ответственностью (разновидности акционерного общества, известной французскому, германскому и другим законодательствам), не отвечают по обязательствам общества или товарищества.

участника одного юридического лица физическое лицо независимо от самого себя как участника другого.

Мало того, физическое лицо как таковое юридически отделено от самого себя как участника организации с правами юридического лица, ибо физическое лицо может состоять в договорных отношениях с юридическим лицом, в котором оно участвует как акционер, пайщик и т. п. Акционер — участник данного акционерного общества — может быть одновременно и держателем облигаций того же акционерного общества.

Юридическое лицо может оказаться несостоятельным в то время, как его участники на почве деятельности, осуществляемой ими за пределами данного юридического лица, процветают.

Одним словом, институт юридического лица позволяет физическому лицу вести одновременно целый ряд юридически обособленных „жизней“.

В период империализма буржуазными юристами был сделан вывод, ярко выражающий цинизм, к которому приводит формальная логика юристов, служащих монополистическому капиталу: все акции определенного акционерного общества могут оказаться сосредоточенными в обладании одного физического лица, и юридическое лицо будет продолжать существовать. В таких случаях физическое лицо вправе вступить как таковое в одну сделку и будет обязано отвечать по обязательствам, возникшим из этой сделки, всем своим имуществом. Но то же физическое лицо вправе вступить в другую сделку в качестве органа юридического лица, в состав которого входит единственный участник — то же физическое лицо, и тогда ответственность по сделке будет нести юридическое лицо „своим“ имуществом. Иначе говоря, по этой сделке единственный участник юридического лица будет отвечать ограничено.

Это *Einmanngesellschaft* германского акционерного права, *one man company* права англо-американского.

Как могла сложиться правовая концепция *Einmanngesellschaft* или *one man company* при наличии законодательных норм, устанавливающих минимальное число участников, необходимое для возникновения и существования организации с правами юридического лица?

Германские юристы считали, что существование *Einmanngesellschaft* легализовано ходом развития обычного права: согласно ст. 2 закона о введении в действие германского гражданского кодекса, слово „закон“ как в тексте названного закона о введении в действие кодекса, так и в самом кодексе означает всякую правовую норму, в том числе и норму обычного права. Следовательно, говорит германская юриспруденция, если, согласно вводу закону и общим началам права, позднее изданный закон отменяет закон, изданный ранее, во всем, в чем он последнему противоречит, то и позднее сложившиеся обычаи, противоречащие ранее изданному закону, отменяют этот закон.

Закон установил некоторое минимальное число участников, необходимое для существования юридического лица. Обычай это требование отменил¹.

Английская и американская литература² обыкновенно даже не считает нужным давать объяснения праву одного лица быть держателем всех акций акционерной компании. Если же такое обоснование признается нужным, оно обыкновенно дается американскими юристами путем применения теории фикции юридического лица в той интерпретации, которую дает этой теории правовая доктрина США. Юридическое лицо есть создание закона. Раз возникнув, оно ведет существование, независимое от личности участников. Значит, говорит один американский коммерсиалист, „даже в том случае, когда весь акционерный капитал принадлежит одному акционеру, в обособленном существовании акционерного общества ничто не меняется. Оно продолжает жить. И это понятно: образование дочерних филиальных „субсидиарных“ и других зависимых предприятий, на путь которого так часто становятся монополистические организации, требует того, чтобы держателем акций могло быть и одно лицо, в данном случае уже не физическое, а юридическое. И при помощи деятельности такой *Einmannsgesellschaft, one man company*, единственным акционером которой является другое акционерное общество, ограничиваются уже пределы риска, который последнее принимает на себя, учреждая „зависимое акционерное общество“.

Благо такого ограниченного риска не раз использовали и империалистические государства в процессе сращивания верхушки монополистического финансового капитала с государственным аппаратом периода империализма. Широко известным примером тому было германское акционерное общество *Viag. Vereinigte Industrieunternehmen A. G.*, все акции которого принадлежали государству и которое служило так называемой *Dachgesellschaft* для ряда других промышленных акционерных обществ, все акции которых принадлежали *Viag'y*.

Таким образом, в *Einmannsgesellschaft, one man company* идея обособленного имущества юридического лица и ограничение риска его участников достигают высшего выражения. В то же время в них находит себе высшее выражение охраняемая гражданским правом возможность монополистической организации по своему усмотрению определять для себя пределы ответственности по сделкам, совершаемым в определенной хозяйственной сфере.

Но право США пошло дальше. Судебная практика значительного числа штатов Северной Америки, а также и законо-

¹ Gierke, *Handelsrecht*, 1933, стр. 388.

² См. названные выше английские и американские работы о юридических лицах.

дательство ряда штатов: Аризоны, Калифорнии, Луизианы, Мериленда, Монтаны, Невады, Оклахомы, Орегона, Южной Каролины, Южной Дакоты и др. признали существование наряду с *de jure corporation* также так называемой *de facto corporation*. Что такое *de facto corporation*? Это неоформленная в качестве юридического лица организация, не выполнившая какого-либо из требований, которые закон предъявляет для того, чтобы организация могла быть признана юридическим лицом. И, однако, суд трактует ее как юридическое лицо и признает ее ответственность ограниченной „*de facto* корпоративным имуществом“, если 1) в данном штате существует закон о корпорациях; 2) была сделана добросовестная попытка организовать корпорацию в соответствии с законом, но попытка не была доведена до конца; 3) организация ведет свои дела „на корпоративных началах“, *as a corporation*. При этом одни суды говорят, что „доктрина“ *de facto corporation* опирается на общественный порядок *public policy*, ее требует „общественное доверие“: если были осуществлены подготовительные действия для того, чтобы организация была „инкорпорирована“, то нет оснований признавать за самой организацией или за ее контрагентами, которые знают о попытке инкорпорировать данную организацию, право ссылаться на то, что известные формальности „инкорпорации“ не были осуществлены. Другие суды ссылаются на известное учение англо-американского права об *estoppel*: организация, которая действовала „как корпорация“, как юридическое лицо, *as a corporation*, так же как ее контрагент, вступивший в сделку с организацией как с юридическим лицом, *are estopped*, т. е. сами лишили себя права ссылаться на то, что организация с точки зрения закона не юридическое лицо. Так складывается в американском гражданском праве учение о фактическом юридическом лице¹.

Учение о *de facto corporation* получило применение и к ответственности по обязательствам различных монополистических предприятий. „В целом ряде случаев, — говорит один американский юрист, — единое обширное предприятие ведется не одним юридическим лицом, а целым созвездием юридических лиц (*constellation*), контролируемым центральной *holding company*, потому ли, что некогда здесь существовали независимые одно от другого юридические лица, акции которых были затем приобретены центральной организацией, потому ли, что центральное предприятие, расширив сферу своей хозяйственной деятельности, создало для этой деятельности новые юридические лица, потому ли, что таких организационных форм требуют соображения, связанные с порядком налогового обложения“². Во всех этих случаях действует ряд юридически независимых субъектов

¹ Lusk, указ. соч., стр. 709; Berle, *The theory of enterprise entity*, Columbia Law, Renew, 1947, № 3.

² Berle, указ. соч., стр. 344.

права, группа юридически не связанных между собой юридических лиц. Однако поскольку эти юридические лица образуют одно экономическое целое, единое предприятие, по долгам каждой из его частей, если суд признает это целесообразным, отвечают как эта часть, так и центральная организация. Для того чтобы центральная организация такой ответственности не несла, надо, чтобы она обеспечила достаточными средствами свою зависимую организацию. Так, на место субъекта правоотношения, — юридического лица нередко ставится в американской судебной практике субъект правоотношений — предприятие: организация, юридически как субъект прав не оформленная, но признаваемая судебной практикой „фактическим юридическим лицом“ в тех случаях, когда суд считает это целесообразным в интересах ответчика. Понятно, что даже американский автор замечает: „неустойчивость юридического лица несомненна“¹. Тот же автор говорит, что можно указать „легион обратных случаев, где, невзирая на полную оформленность юридического лица, суд отказывается признать его существование. Это отдельные случаи, где представляется слишком явным, что фигура юридического лица служит лишь ширмой, прикрытием деятельности, противоречащей законам: юридическое лицо создается для обхода антитрестовских законов, для обхода воспрещения иностранцам быть собственниками судов, плавающих под американским флагом и т. п. Но в таких случаях суды отрицают существование юридического лица, хотя бы оно и было зарегистрировано в установленном порядке, не потому, что цель образования юридического лица противозаконна, а потому что „во всех таких случаях юридическому лицу не соответствует предприятие“. В каждом случае суд должен спросить себя, соответствует ли наличию юридического лица наличие предприятия, *whether the enterprise fact corresponds to the corporation fact*. Иначе говоря, суд на основании свободной оценки фактов признает или не признает существование юридического лица“.

Но американские суды на этом не остановились. Перед лицом высокой концентрации, с одной стороны, многочисленных злоупотреблений, допускаемых монополистическими организациями, — с другой, суды были вынуждены в интересах контрагентов этих организаций, которыми часто являются другие монополистические организации, а равно и „для поддержания доверия к корпорациям“ возложить ответственность по обязательствам юридического лица наряду с ним также и на его участников. „Большинство судов, — говорит один американский автор, — признало право кредиторов несостоятельного юридического лица обратиться к имуществу его участников“. Суды по-разному обосновывают эту ответственность

¹ Berle, указ. соч., стр. 344.

физических лиц по обязательствам лиц юридических. Одни считают, что несостоятельность корпорации должна быть приравнена к обману ее кредиторов членами корпорации, другие считают, что обязанность участников юридического лица отвечать перед его кредиторами в случае несостоятельности юридического лица должна считаться молчаливо принятой на себя участниками юридического лица (is incident to the membership of the corporation). Третьи привлекают „спасительную“ конструкцию треста, к которой американские юристы обращаются всякий раз, когда нужно учинить насилие над законом и логикой правового института: имущество корпорации рассматривается как переданное ей ее участниками в „трест“, в „доверительную собственность“ в интересах кредиторов, и претензии кредиторов должны быть полностью удовлетворены, как если бы участники корпорации действовали непосредственно без содействия доверительного собственника¹. Нельзя не заметить полного отсутствия чувства юмора у сторонников этой конструкции: оказывается, что американские акционеры объединяются в акционерные общества не в целях собственной наживы, а в интересах кредиторов! Трудно поверить этим утверждениям тому, кто знает историю американских корпораций и судебную практику США по делам корпораций.

Есть, однако, в судебной практике и в юридической литературе США и другое обоснование ответственности участников корпорации по ее имущественным обязательствам: ответственность корпорации есть не что иное, как ограниченная ответственность ее участников по совместно принимаемым ими на себя обязательствам. Закон при наличии определенных условий предоставляет льготу такой ограниченной ответственности. Однако она дается законом не для того, чтобы участники корпорации ею злоупотребляли. А доведение корпорации до неоплатности, до несостоятельности и есть злоупотребление льготой ограниченной ответственности.

Таким образом, на почве неуклонного процесса концентрации, с одной стороны, и ввиду огромного числа неблагоприятных действий, совершаемых заправилами акционерных компаний, — с другой, оказалось глубоко расшатанным самое понятие юридического лица, а вместе с тем и законность в сфере применения этого понятия.

То, что в США сделала судебная практика, в других империалистических странах сделал закон.

Концентрация акций в одних руках, влияние, которое на этой почве в состоянии оказывать отдельный акционер, и скандальные злоупотребления этим влиянием привели к тому, что § 101 германского закона установил ответственность перед кредито-

¹ Lusk, указ. соч., стр. 799.

рами несостоятельного акционерного общества, наряду с обществом, также и членов его правления, членов наблюдательного совета, а равно и лиц, которые склонили членов правления или наблюдательного совета к принятию решения, приведшего к неплатежеспособности общества.

Если при этом вспомнить, однако, то, что сказано выше о легкости, с которой капиталист ускользает от ответственности перед своими кредиторами, укрывая от обращения взыскания ценные бумаги, и присоединить многочисленные случаи весьма тесной связи судов с монополистическими организациями, то станет ясно, что, по существу, подобные мероприятия ответственности по обязательствам акционерных обществ не повышают и оборота, конечно, ничуть не оздоравливают. Едва ли кого-нибудь вводят в заблуждение демагогические попытки создать видимость оздоровления оборота, выражающиеся в таких законах.

То же по существу положение создано и во Франции первоначально судебной практикой, а затем законодательством.

Сначала судебная практика, а затем декрет-закон 8 августа 1935 г. установил, что тот, кто ведет торговлю „под прикрытием товарищества и маскирует деятельностью товарищества свои неблагоприятные действия, будет считаться купцом и объявляется несостоятельным в случае несостоятельности товарищества“. В 1940 г. такая же ответственность была установлена для председателя правления, являющегося одновременно директором-распорядителем акционерного общества.

Таким образом, и здесь процесс концентрации и недобросовестность заправил акционерных обществ привели к выветриванию идеи юридического лица как носителя обособленного имущества. А вместе с тем глубоко расшатанной оказалась и законность в сфере действия института юридического лица. Ибо, раз закон установил определенные основания и порядок ответственности физических лиц по обязательствам юридических лиц, судебная практика перед лицом бесконечно разнообразных правонарушений со стороны заправил акционерных обществ не остается в рамках закона и уходит все дальше от древнего принципа: долг объединения не есть долг его участников, а в то же время участник спокойно укрывает свое имущество от взысканий кредиторов, как то показано выше.

Характерное изменение пережила и теоретическая концепция юридического лица в судебной практике и юридической литературе США. Как в американской судебной практике, так и в литературе США господствует теория фикции юридического лица. Когда-то ее сформулировал в определении юридического лица верховный судья Маршалл: „Корпорация есть искусственное существо, невидимое, неосязаемое и существующее лишь с точки зрения закона. Будучи чистым созданием закона, корпорация обладает лишь теми свойствами, которые ей сообщил

ее учредительный акт, прямо или предполагая их необходимыми для ее существования". Однако более "реалистическим" современная литература считает определение, предложенное судьей Кентом: "Корпорация — это привилегия (подчеркнуто нами. — Е. Ф.), принадлежащая одному (подчеркнуто нами. — Е. Ф.) или нескольким лицам, которые существуют в качестве правовой единицы под особым наименованием, облеченной по воле закона "вечным" существованием и действующей в различных отношениях, независимо от действительного числа ее участников, как один индивид"¹.

Из этого "реалистического" определения ясно, что существование юридического лица представляется его автору льготой, которую закон предоставляет одному или нескольким физическим лицам для того, чтобы они могли участвовать в гражданском обороте, не подвергая свое имущество риску быть обращенным полностью на покрытие претензий кредиторов. Поэтому один американский автор и изображает процесс возникновения юридического лица следующим образом: несколько лиц собираются и решают начать действовать не в качестве самих себя, а при посредстве некоторого нового фиктивного субъекта, от лица которого они будут выступать и в пределах имущества которого они будут отвечать по обязательствам². Понятно, что также "не в качестве самого себя" может действовать и одно физическое лицо. Равным образом и юридическое лицо может действовать не в качестве самого себя, а при посредстве другого, дочернего, зависимого, филиального юридического лица и т. п.

Таким образом, если теория фикции юридического лица, в том виде, в каком ее в XIII в. создал папа Иннокентий IV, а в начале XIX в. развил Савиньи, а затем, Виндшейд, заключалась в том, что в гражданско-правовых действиях множества субъектов прав фингировались действия одного субъекта, то в американском варианте периода империализма теория фикции юридического лица заключается в том, что в гражданско-правовых действиях одного субъекта прав фингируется множество, от лица которого якобы и действует данный субъект. К этому привел процесс хозяйственной концентрации при неуклонном стремлении все более расширять пользование благом ограниченной ответственности по обязательствам.

Несколько иное по внешнему виду, но однородное по существу изменение переживает теория фикции юридического лица во Франции. Тем, кто выражает это изменение, иногда кажется, что они противники теории фикции. Так, неоднократно уже названный цивилист Рипер не раз подчеркивает утрату теорией фикции научного и практического значения. А между тем все,

¹ William J. Grange, указ. соч., стр. 3, 4.

² Berle, указ. соч.

что Рипер, умиляясь, восторгаясь и трепеща перед экономической мощью акционерных компаний, пишет об их юридической природе, есть не только теория фикции, но даже проявление антропоморфизма. „Семь человек собираются. Они вправе, соблюдая известные правовые правила, создать акционерное общество. Мы так привыкли к осуществлению этой свободы, что и не думаем удивляться рождению этого нового существа, по праву вступающего в круг людей. Человек создает эти новые существа по своему образу и подобию“. Однако в других местах своей книги Рипер отказывается от уподобления акционерных компаний людям. „Это не люди. Это сверхчеловеческие существа, — говорит он. — Если они хотят, чтобы об этом забыли, то лишь потому, что не легче ли всего скрывать свое могущество, смешиваясь с толпой?“¹. „В действительности же это не люди, это чудовища, роботы, созданные по образу и подобию людей... Это юридические машины, столь же полезные, как и те, которые используются в промышленности“², это — учреждения (institutions), и акционеру принадлежит право не в акционерном обществе, а против акционерного общества, и тот, кто подписывается на акции, не вступает в договор с обществом, он просит, чтобы ему открыли возможность воспользоваться преимуществами, льготами, которые несет с собою прикосновенность к этому учреждению. А первая из этих льгот — ограниченность риска, который акционер принимает на себя, приобщаясь к акционерному обществу и получая право на участие в его прибылях... И Риперу даже кажется, что законодатель „открыл (подчеркнуто нами. — Е. Ф.) за спиной акционерной компании того, кто ведет торговлю, прикрываясь компанией, маскируя ее деятельностью свои неблагоприятные действия“³. Все эти теоретические построения свидетельствуют об одном: для юристов империалистических стран юридическое лицо есть юридический прием, обеспечивающий благо ограниченной ответственности по имущественным обязательствам. А так как в организациях, признаваемых юридическими лицами, вследствие концентрации участвует все меньшее число физических лиц или отдельным физическим лицам принадлежит руководящее положение в среде участников юридического лица, так как юридические лица, играющие значительную роль в гражданском обороте, — это организации „200 семейств“ во Франции, „60 семейств“ в США, то эволюция юридического лица в период империализма приводит к тому, что от членов этих „семейств“ зависит установить те или иные пределы своей ответственности перед кредиторами. Законодатель иногда якобы пытается ограничить эту власть отдельного участника оборота, „оздоровить“ деятельность юридических лиц, но законодатель бессилён перед

¹ Riper, указ. соч., стр. 53, 70, 74.

² Там же, стр. 99, 101, 106.

³ Там же, стр. 75.

неумолимыми законами экономического развития, и трещина в первоначальной концепции юридического лица все углубляется, произвол в области связанных с этим институтом юридических отношений становится все более грубым, а от этого все более ненадежными, неустойчивыми становятся и все завязывающиеся в странах империализма хозяйственные связи.

Не лишены интереса и те изменения, которые происходят во внутреннем строе акционерных компаний. Когда-то, многие буржуазные юристы пытались уверять, что акционерная компания — это „способ демократизации народного богатства“. В акционерной компании участвуют не наряду с крупными акционерами также и держатели небольшого числа акций. К участию в дележе барышей от „плодотворной“ хозяйственной деятельности акционерных обществ приобщаются и держатели мелких сбережений. Все акционеры участвуют-де в общих собраниях акционерного общества, все пользуются правом голоса, могут быть избраны в состав правления, органов ревизии и т. д. Еще в 1936 г., когда бастовавшие французские рабочие заняли некоторые промышленные предприятия, нашлись люди, которые говорили с деланным негодованием рабочим: „Вы разрушаете собственность людей, которые не богаче вас“¹. Участие в акционерных компаниях держателей мелких средств породило десятки демагогических сочинений об „акционерной демократии“, об „охране прав меньшинства“, т. е. акционеров, в руках которых сосредоточена меньшая часть акционерного капитала и т. п. Ряд мероприятий в целях „охраны интересов меньшинства“ осуществил и законодатель разных капиталистических стран. Это было нужно для привлечения этого меньшинства в акционерные общества.

Но в период империализма положение изменилось. Процесс концентрации лишает прежнего значения собиравшиеся крупные капиталы из небольших взносов. Новейшие законы об акционерных обществах исходят из предположения о том, что все акции вновь учреждаемого акционерного общества распределяются между его учредителями. Английская *private company* есть разновидность акционерной компании, в которой участвуют только ее учредители или лица, которым кто-либо из учредителей продал свои акции не иначе, как с согласия остальных. Товарищество с ограниченной ответственностью, вариант акционерного общества, известный французскому, германскому, швейцарскому и некоторым другим законодательствам, также не знает участников товарищества, кроме его учредителей или лиц, приобретших пай от одного из учредителей с согласия остальных.

Однако в странах империализма существуют до сих пор и акционерные общества, в которых участвуют наряду с крупными также и менее крупные акционеры. Иногда их участие

¹ Ripert, указ. соч., стр. 101.

допускается учредителями для создания видимости „демократического характера“ общества, извлекающего прибыль, например, из обслуживания бытовых нужд широких слоев населения, из деятельности, связанной с культурными интересами населения (театры, кино и т. п.). В таких акционерных обществах необходимо юридически закрепить преобладание крупных акционеров, держателей „контрольного пакета“ акций. И вот германский акционерный закон 1933 г. (§ 88) предусматривает предоставление по уставу акционерного общества держателям отдельных категорий акций или даже определенным акционерам права делегировать своих представителей в состав избираемого общим собранием акционеров наблюдательного совета, а наблюдательный совет (отнюдь не общее собрание) назначает правление общества. В заседаниях наблюдательного совета могут, согласно уставу, участвовать и не члены его, уполномоченные в письменной форме членами наблюдательного совета на замену их (§ 93). Одним словом, вопреки приведенным выше утверждениям отдельных юристов, держатель контрольного пакета акций — не только экономически, но и юридически — хозяин акционерного общества. Мелкие акционеры сколько-нибудь заметного влияния на ход деятельности акционерного общества оказать не в состоянии. Конечно, они же, а не действительные „хозяева“ общества несут и всю тяжесть последствий несостоятельности общества или убыточности его операций. Крупный акционер в состоянии „перекрыть“ свои убытки другими спекулятивными операциями, мелкий — обыкновенно вносит в акционерное общество все свои сбережения.

Особые привилегии устанавливает для себя государство, выступающее в качестве одного из акционеров в тех акционерных компаниях и товариществах с ограниченной ответственностью, которые в различных странах получили наименование „товариществ или предприятий смешанной экономики“.

„Товарищества смешанной экономики“ — прямые порождения процесса сращивания финансовой олигархии с государственным аппаратом. Это — акционерные общества или товарищества с ограниченной ответственностью, часть акций или паев которых принадлежит государству в то время, как другая их часть покрыта частными лицами, физическими или юридическими. Государство в качестве участника таких обществ или товариществ создает для себя многочисленные привилегии. Иногда государство не вносит никаких имущественных ценностей в покрытие приобретаемых им акций. Так, по французским законам 16 октября 1919 г. и 17 июля 1938 г. государство вправе получать акций в гидроэлектрических компаниях не только в оплату концессий на эксплуатацию источников в гидроэнергии, но и за оказываемые концессионеру услуги финансового характера; гарантии облигационных займов концессионера, обязательство покрытия его убытков и т. п. При этом

стоимость предоставляемых государством концессионеру природных богатств никогда не подвергается оценке в общем порядке. Иногда государство — не акционер в собственном смысле, а участник в прибылях, в пользу которого отчисляется определенный процент годовой прибыли. Таково положение государства в качестве участника организаций, эксплуатирующих рудники и шахты по французским законам 1919—1938 гг. об организации эксплуатации недр земли.

В других случаях французское государство устанавливает для себя привилегии в процессе управления делами смешанного предприятия: государство вправе назначить комиссара, наблюдающего за делами общества (французские гидроэлектрические компании), оно назначает определенное число членов правления, независимо от числа принадлежащих ему акций; иногда этим назначенным государством членам правления предоставляется право оспаривать решения большинства остальных членов правления (французская компания Air France). Одним словом, французское государство — всегда привилегированный участник „товарищества смешанной экономики“, и участие его почти в каждом из таких товариществ регулируется специальным законом. Пестрота этих законов вносит тем больше неопределенности и неустойчивости в хозяйственную жизнь, что число „смешанных товариществ“ неизменно возрастает. В 1945 г., установив так называемый „налог национальной солидарности“ в целях послевоенного восстановления хозяйства, Франция предоставила всем акционерным компаниям право погасить причитающиеся с них суммы этого налога своими акциями. Понятно, как это расширило круг „товариществ смешанной экономики“.

В целом ряде случаев участником смешанных предприятий является не государство, а община, которая и руководит всею жизнью такого предприятия: продовольственного, строительного, городского благоустройства и т. п.

Но во Франции государство не только обеспечивает себе привилегированное положение в среде акционеров „смешанных предприятий“. Оно нередко наделяет и самые предприятия смешанной экономики правовыми привилегиями, обеспечивающими им особо льготные условия производственной деятельности и особенно высокую норму прибыли. Так, французские смешанные гидроэлектрические компании приравняются в отношении порядка принудительного отчуждения для их нужд чужого имущества к военным строениям первоочередного значения. Целый ряд льгот был предоставлен „смешанным предприятиям“ во время войны в сфере договорных отношений. Но особенно своеобразно правовое положение „смешанного предприятия“ в случаях, когда оно уже не только предприятие, когда на него возлагается и осуществление функций государственного властвования, как это бывало часто во время первой и особенно часто во время второй мировой войны. В этих слу-

чаях, по мнению одних буржуазных юристов, смешанное предприятие является юридическим лицом частного права с некоторыми публично-правовыми функциями, а по взгляду других, „публичным юридическим лицом с частно-правовой организацией имущества“. По взгляду третьих, оно не является ни юридическим лицом частного, ни юридическим лицом публичного права: оно — юридическое лицо „смешанной“, очевидно, частно-публичной природы.

Понятно, что „частно-публичная природа“ смешанных предприятий есть нечто весьма туманное. Но одно ясно вполне: особая природа этих предприятий заключается в том, что в этих предприятиях интересам монополистического капитала служат правовые средства, которыми в течение столетий пользовалась только публичная власть. Это объясняется тем, что публичная власть стала плотью от плоти монополистического капитала.

В США смешанными частно-публичными юридическими лицами признаются все корпорации, обслуживающие потребности широких кругов населения: газовые, электрические, телефонные и телеграфные, железнодорожные корпорации и корпорации водного транспорта. Актом об их учреждении государство предоставляет им особые права на принудительное отчуждение имущества других лиц, на принудительное пользование таким имуществом и т. д. А „право государства контролировать деятельность таких предприятий может быть отчасти рассматриваемо как условие, выговоренное себе государством в вознаграждение за предоставленные им привилегии“, — замечает американский коммерсиалист¹. И тут же добавляет: „Право государства на вмешательство в деятельность такой корпорации ограничено основным правилом о том, что это вмешательство не должно препятствовать компании получать разумную прибыль“. Сказанное только что позволяет отдать себе отчет в том, что даже в тех случаях, где наличие юридического лица не вызывает сомнений в современном империалистическом государстве, частная или публичная природа этого юридического лица подчас весьма трудно уловима. А это, разумеется, так же как и другие изменения фигуры юридического лица в условиях империализма создает почву для нарушений законности.

Во время второй мировой войны и после ее окончания Франция национализировала ряд предприятий, принадлежащих акционерным компаниям. После второй мировой войны национализация угольной промышленности была осуществлена Англией, национализирован и Английский банк.

Юридическая литература названных стран уже объявила правовой режим этих предприятий „особым режимом“. В английской литературе их уже называли *public corporations*, юридическими лицами публичного права.

¹ William J. Grange, указ. соч., стр. 16.

Нельзя, однако, не заметить, что „национализацией“ прикрывали мероприятия довольно разнообразного характера. Во Франции национализацией объявили конфискацию некоторых предприятий, которую невозможно было осуществить судебным порядком (заводы Рено). „Национализацией“ заменили и принудительное отчуждение некоторых акционерных предприятий, возместив акционерам их потери в особом порядке, а не на основе общего закона о принудительном изъятии имущества для „общественной пользы“.

Никаких существенных изменений не внесла национализация в фактические отношения между Английским банком и государством, ибо в качестве центрального эмиссионного банка Английский банк и до национализации был тесно связан с государственным казначейством и являлся главным проводником правительственной политики во всей системе английского денежного обращения и кредита.

Но есть, черты, общие всем мероприятиям по национализации предприятий в странах империализма: все акты национализации содержат мероприятия, направленные на обеспечение интересов бывших акционеров национализированных предприятий, положение которых становится даже лучше: перейдя на положение облигационеров, они сохраняют доход не ниже прежнего среднего дивиденда, и притом доход, подлежащий безоговорочной выплате ежегодно, в то время как дивиденд представляет собой часть полученной акционерным обществом прибыли, размер которой в отдельные годы может быть, разумеется, различен. Бывшие акционеры национализированных английских угольных предприятий вместе с гарантированным доходом получили и избавление от особого риска и трудностей, связанных с эксплуатацией крайне устаревшего и запущенного угольного хозяйства Англии.

В то же время установленный законом порядок управления национализированными предприятиями оставляет широкое место участию представителей монополистических организаций в руководстве этими предприятиями. Ибо эти предприятия управляются особыми органами, состоящими из государственных чиновников и из представителей заинтересованных хозяйственных организаций, а иногда и прямо из представителей акционерных компаний—прежних собственников тех же предприятий (например, управление национализированными во Франции угольными полями Севера и Па-де-Кале). Понятно, что включаемые в состав тех же органов представители рабочих сколько-нибудь заметного влияния на деятельность этих органов управления оказывать не могут: против них стоят как представители государства, так и представители частного капитала, неразрывно связанные общими интересами, которым и служат национализированные государственные капиталистические предприятия.

Глубоко изменился в условиях империализма и договор буржуазного гражданского права.

Условия договора не обсуждаются более сторонами, когда по крайней мере одна из них—монопольная организация: монопольная организация предлагает своему контрагенту выработанный ею „формуляр“ договора, и контрагенту остается принять предложенные ему условия, „присоединиться“ к ним или отказаться от вступления в договор. Подлинная природа этих договоров, которые германская литература откровенно называет „продиктованными договорами“ *diktierter Vertrag*, настолько очевидна, что даже буржуазная юридическая литература иногда говорит: „...договоры присоединения—это договоры, при помощи которых одна сторона, в силу своей экономической мощи творит закон для другой и навязывает ей условия, которые та не в силах обсуждать“¹.

Но такие утверждения очень редки. По общему правилу, буржуазная литература восхваляет достоинства „договоров присоединения“, которые упрощают де и ускоряют порядок совершения договора и вносят в народное хозяйство элемент „организации“.

В действительности „договоры присоединения“ не только не вносят каких-либо элементов организации в капиталистическое хозяйство, но служат орудием тяжелой эксплуатации, в то же время отчетливо выражают все усиливающуюся анархию экономической жизни империалистических стран.

Одной из основных сфер применения „договоров присоединения“ являются трудовые отношения, отношения, возникающие на почве найма труда. „Договором присоединения“ многие буржуазные авторы объясняют обязательную силу правил внутреннего распорядка капиталистического предприятия и связанную с ними дисциплинарную власть предпринимателя: поступая на работу в определенное предприятие и принимая условия коллективного договора, рабочие тем самым „присоединяются“ и к правилам внутреннего распорядка и к признанию дисциплинарной власти предпринимателя.

Это учение о якобы договорной природе „хозяйской власти“ предпринимателя незаметно переходит в другое „учение“, которое после второй мировой войны получает в разных странах все большее распространение и, нельзя этого не сказать, иногда под немалым влиянием фашистских правовых „концепций“. Предприятие, фабрика, завод и т. п., говорят представители этой „теории“, есть некое организованное хозяйственное образование, извлечение выгод из которого является целью акцио-

¹ Colin et Capitant, Cours élémentaire de droit civil français, т. II, 1939 стр. 364.

неров или участников иного товарищества. Живая хозяйственная сущность всей организации в целом — акционерного общества и принадлежащего ему предприятия — сосредоточена именно в предприятии. А успешная деятельность предприятия покоится на согласованной работе руководителей предприятия, с одной стороны, и рабочих и служащих — с другой. Руководители — „не люди акционеров“, они представляют не интересы акционеров, а интересы самого предприятия как организованной хозяйственной единицы. „Социальная функция“ руководителей заключается в установлении связи предприятия с внешним миром, в установлении внутреннего режима предприятия, правил его внутреннего распорядка и т. п. „Социальная функция“ рабочих состоит в работе в предприятии. Голос рабочих должен быть выслушан при установлении правил внутреннего распорядка, ибо, для того чтобы „хозяйская власть“ была подлинной гарантией „социального мира“, надо, чтобы она осуществлялась при планомерной „консультации“ рабочих.

Так, идея „договора присоединения“ в области отношений по труду переходит в учение „о хозяйской власти“, согласно которому предприниматель „властно“ определяет весь строй своих правоотношений с рабочими, а рабочие лишь „консультируются“ по соответствующим вопросам. И это циничное „обоснование“ капиталистического рабства рабочих пытаются использовать для того, чтобы в чьем-то недостаточно развитом сознании утвердить мысль, что в отношениях рабочих с нанимателями труда господствуют мир и гармония, что предпринимателю достаточно „поконсультровать“ рабочих для того, чтобы режим труда соответствовал их интересам, что предприниматель осуществляет „социальную функцию, руководя предприятием в интересах всего общества“¹.

„Договоры присоединения“ широко используются в отношениях между предприятиями, обслуживающими разнообразные нужды населения, и их клиентами: предприятия транспортные, снабжения газом, электроэнергией и т. п. Говоря о „договорах присоединения“ в этой области, современная литература империалистических стран нередко отделяется коротким указанием на то, что „массовому потреблению (определенных товаров или услуг) соответствует единообразие, типизирование или шаблонизирование условий договоров, совершаемых в связи с этим потреблением“². А между тем ясно, что это „шаблонизирование“ соответствует не „массовому потреблению“, а, прежде всего, интересам тех, кто извлекает из этого массового потребления огромные прибыли. Интересы потребителей не могут быть удовлетворены надлежащим образом, потому что их об этих интересах и не спрашивают; они вынуждены „присоединяться“ к

¹ Ripert, указ. соч., стр. 274 и сл.

² Gierke, Handelsrecht, 1933, стр. 4.

предлагаемым им условиям договора или не вступать в договор. Таким образом, в области обслуживания широких кругов потребителей разнообразных товаров и услуг эксплуататорская функция „договоров присоединения“ прикрывается „массовым характером“ операций, совершаемых соответствующими предприятиями, невозможностью для них обсуждать условия заключаемых сделок с каждым из сотен тысяч своих контрагентов и тем элементом „организации“, который „шаблонизированные“ сделки якобы вносит в капиталистическое хозяйство. В действительности же эти договоры с тарифами, размер которых устанавливается без участия в этом потребителя, с высокими пенями и неустойками и т. п., служат орудием планомерной эксплуатации широчайших кругов трудящегося и неимущего населения. И этой роли орудия эксплуатации, разумеется, ничуть не смягчает и утверждение государством соответствующих тарифов или определение государством некоторых сторон деятельности соответствующих предприятий. Ибо государственные органы, утверждающие тарифы, регулирующие отпуск товаров и услуг, состоят в условиях империализма в подавляющей массе случаев из лиц, являющихся акционерами предприятий, сбывающих эти товары или оказывающих эти услуги.

„Договоры присоединения“ используются монополистами и в хозяйственных отношениях между собой: одной из важнейших областей действия этих договоров является область международной торговли. В 30-х годах текущего столетия считали, что в международной торговле по „формулярам“ заключается 100% договоров на продажу хлеба, фуража, резины, кофе, сахара. Приблизилось к 100% число заключавшихся по „формулярам“ договоров на продажу леса, мяса, кожи, щетины, сала.

Понятно, что в отношениях между монополистическими экспортными и импортными организациями разных стран договоры, совершаемые по „формулярам“, выражают преобладание одного из этих контрагентов над другим в конкурентной борьбе.

Но иногда формуляры вырабатываются не отдельной монополистической организацией, а так называемыми общественными организациями монополистов: биржами, торговыми палатами, различными профессиональными объединениями предпринимателей, как, например, английской ассоциацией торговцев лесом, американским объединением хлеботорговцев и т. п. В таких случаях при помощи „формуляров“ крупнейшие из монополистических организаций, играющие руководящую роль в объединении предпринимателей, получают еще одну возможность подчинить своим интересам менее крупные организации данной отрасли хозяйства и тем ускоряют процесс концентрации в этой области.

Однако основная роль договоров присоединения в отношениях между монополистическими организациями заключается в том, что при помощи „формуляров“, детально и тщательно

разрабатываемых биржами, торговыми палатами, различными объединениями монополистов для договоров, совершаемых отдельными из них, эти договоры почти ускользают от применения к ним диспозитивных сначала, а затем далеко не одних диспозитивных норм соответствующих гражданских кодексов и законов. Монополистические организации творят для себя „право“ двумя путями: с одной стороны, они всеми средствами воздействуют на официальное правотворчество; парламент в своем большинстве и органы исполнительной власти обыкновенно к их услугам. С другой стороны, ввиду того что парламентская машина работает медленно, монополисты творят для себя другое „неофициальное“ или, лучше сказать, полуофициальное право в виде договорных „формуляров“. „Формуляр“ создается быстрее закона, быстрее и легче изменяется в соответствии со все более частыми и резкими колебаниями хозяйственной конъюнктуры, процесс подготовки „формуляра“ защищен от гласности, да и содержание его¹ далеко не всегда становится достоянием гласности. Все это делает заключение договоров по „формулярам“ излюбленным „организационным“ приемом монополистических предприятий. В то же время, сокращая сферу практического действия не только диспозитивных, но и принудительных норм гражданских кодексов и законов, этот прием сильнейшим образом подрывает общий авторитет закона, уважение к нему. Даже один весьма ревностный охранитель интересов капиталистических монополий вынужден был признать, что договорные „формуляры“ создают анархию в сфере договорных отношений — один и тот же по юридической сущности вид соглашений называется регулируемым по-разному, в зависимости от интересов и мощи наиболее сильной из заключающих такие соглашения сторон¹.

Таким образом, поставив себе на службу законодательство, создающее „право для всех“, монополисты в дополнение к этому „праву для всех“ создают особое привилегированное право для себя, признаваемое и государством, аппарат которого все более неотделим от тех же монополистов.

Та анархия, которую договорные „формуляры“ вносят в гражданский оборот, не ограничивается пределами одного государства: как уже сказано, ею охвачен и весь международный торговый оборот.

А между тем, с „договорами присоединения“ связаны нередкие утверждения буржуазных юристов, будто капиталистический мир идет к унификации своего гражданского, прежде всего, торгового права, будто готовится создание „мирового“ или „всемирного“ права.

Действительно, экспортируя капиталы за пределы своего отечества, монополисты стремятся в одних случаях обеспечить

¹ Grossmann-Doerth, Das Recht des Überseehaufs, стр. 32.

себе, насколько возможно, единообразный правовой режим деятельности на территории различных государств, в других случаях ускользнуть от применения тех или иных не только отечественных, но и невыгодных по той или иной причине иностранных законов. На этой почве развивается до известных пределов унификация „формулярного права“, его „кодификация“, осуществляемая различными обслуживающими международную торговлю организациями, в том числе и международными организациями юристов, каковы Международная торговая палата, созданная в Париже, Международная ассоциация права, бывший Римский институт для унификации частного права Лиги наций и др. Деятельности этих организаций торговый мир обязан такими образцами „кодификации формулярного права“, как созданный Международной торговой палатой Парижский кодекс 1928 г. (ответы различных монополистических экспортных и импортных организаций на вопросы анкеты о содержании совершаемых им договоров продажи на условиях *cif* и *fob*), ею же составленный в 1928 г. циркуляр о товарном аккредитиве, опубликованные Международной ассоциацией права Варшавско-Оксфордские правила сделок *cif*, разработанный Римским институтом Лиги наций проект международного закона о купле-продаже и др.

В значительной мере деятельности международных торговых и правовых организаций обязан международный торговый оборот также и заключением международных конвенций, действительно создавших единообразное вексельное и чековое право (Женевские конвенции 1930 и 1931 гг.), некоторые единообразные нормы морского права и т. д.

Но дальше создания таких главным образом технического характера единообразных правовых норм капиталистический мир не пошел. И сколько-нибудь приблизить осуществление мысли о создании „всемирного“ права, разумеется, не удалось. Проект международного закона о договоре купли-продажи остался проектом, не стал законом так же, как и проект франко-итальянского кодекса обязательственного права (в 1927 г.). И даже частную кодификацию международных правил сделок *cif*, произведенную Международной ассоциацией права в 1928 г., пришлось пересмотреть в 1932 г., ибо монополисты отдельных стран находили, что в редакции правил 1928 г. „их правовые воззрения“ не нашли себе правильного выражения. Иначе, конечно, быть и не может. „Капитализм давно создал всемирный рынок,—говорил В. И. Ленин.—И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всяческие заграничные и колониальные связи и „сферы влияния“ крупнейших монополистических союзов, дело „естественно“ подходило к всемирному соглашению между ними“... Но мнение, будто интернационализация капитала дает возможность надеяться на мир между народами при капитализме „...теоретически совершенно вздорно, а практически

есть софизм и способ нечестной защиты худшего оппортунизма... Форма борьбы может меняться и меняется постоянно в зависимости от различных, сравнительно частных и временных причин, но сущность борьбы, ее классовое содержание не может измениться... Подменять вопрос о содержании борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о форме борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра немирной, послезавтра опять немирной) значит опускаться до роли софиста"¹.

Из всего сказанного видно, какие глубокие изменения пережил институт договора в праве империалистических стран и как углублялась и обострялась его эксплуататорская природа, выражаемая, в частности, в порядке совершения договора.

В первоначальной стадии своего развития договор буржуазного гражданского права в качестве „свободного“ волеизъявления сторон прикрывал, вуалировал экономическое принуждение. В форме „договора присоединения“ он откровенно выражает свою природу орудия давления экономически сильнейшей стороны на сторону, которая ей уступает в экономической силе.

В первоначальной стадии своего развития договор буржуазного гражданского права рассматривался как выражение согласия воли равноправных контрагентов. В форме „договора присоединения“ он привел к учению о хозяйской власти, которой обязаны подчиняться рабочие и служащие, якобы обеспечивая „гармоническую жизнь“ предприятия.

В первоначальной стадии своего развития договор буржуазного права получал обязательную силу от закона. В форме „договора присоединения“ он стал одним из активнейших факторов разложения буржуазной законности.

Глубоко изменялся договор буржуазного права и под влиянием того, что буржуазная юридическая литература называет „государственным регулированием народнохозяйственной жизни“, т. е. под влиянием мероприятий государства, значительно ограничивших „свободу договора“, прежде всего, в интересах тех же монополистических организаций.

Особенно сильно сказалась „регулирующая“ роль империалистических государств в сфере договорных отношений во время первой и еще больше во время второй мировой войны.

„Регулирование“ сказалось на порядке совершения договоров, для одних разновидностей которых была установлена особая очередность совершения (например, первоочередность удовлетворения заявок на стратегическое сырье и транспортные средства и первоочередное заключение соответствующих договоров), для других было введено даже принудительное совершение (договора на сбыт определенных видов продукции), которое ранее применялось только для договоров железных дорог со

¹ Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. XIX, стр. 124, 130, 131

своими клиентами предприятий связи и коммунальных предприятий, обслуживающих нужды широких слоев населения.

„Регулирование“ сильно повлияло и на содержание договоров, ибо цены на все более широкий круг товаров, количества, в которых они отпускались по каждому отдельному договору (нормы, контингенты и т. п.), определялись государством.

При этом даже внешний порядок этого „регулирования“, не говоря о его существе и влиянии на уровень жизни широких масс, явственно указывал на его роль орудия служения интересам монополистических организаций. „Регулирование“ и в США, и в Англии, и во Франции осуществлялось различными „смешанными“ комитетами, комиссиями и т. п., состоявшими как из государственных чиновников, так и из участников монополистических организаций, которыми часто оказывались те же чиновники. Понятно, что, выражая процесс сращивания финансовой олигархии с государственным аппаратом, эти комиссии, комитеты и т. п., в свою очередь, стимулировали этот процесс и служили весьма важным орудием непосредственного удовлетворения „нужд“ монополистов. Хорошо известно, что когда по окончании войны представилось возможным повысить цены на определенные товары и вообще изменить условия их сбыта, монополистические организации, прежде всего в США, а также в Англии, выступили в качестве противников „регулирования“ на соответствующих участках хозяйственной жизни. И государство покорно пошло у них на поводу, чтобы затем перед лицом экономических „трудностей“ вновь вернуться к регулированию в отдельных областях народного хозяйства. Так, выдаваемое некоторыми буржуазными экономистами и юристами за „организацию“ капиталистического хозяйства государственное „регулирование“ в империалистических странах усиливается или ослабляется в интересах монополистического капитала. В соответствии с его усилением сокращается, а при его ослаблении расширяется „свобода договора“.

Значительно сузило пределы „свободы договора“ регулирование иностранного ввоза и вывоза, порожденное в империалистических странах конкуренцией монополистов одних стран с монополистами других и почти полностью замененное во время второй мировой войны непосредственной экспортной и импортной деятельностью государства, которая была по существу деятельностью верхушки финансового капитала соответствующих стран, поставившей, таким образом, на непосредственную службу себе государственный аппарат своей страны.

То же следует сказать и о запрещении во время второй войны в США, в Англии, во Франции сделок с „враждебными иностранцами“. Все эти мероприятия имели целью превратить государственный аппарат соответствующих стран в орудие непосредственного служения монополистам данной страны в их конкуренции с монополистами других стран. И все эти мероприятия

игнорировались монополистами каждой из империалистических стран в тех случаях, когда им выгодно было обслуживать свои интересы не при помощи мероприятий своего государства, а при помощи карательных и т. п. соглашений с иностранными монополистами. При этом представители монополистического капитала каждой из империалистических стран были уверены, как они уверены и ныне, что никакой обход, никакое нарушение закона не повлечет за собой невыгодных для них последствий, ибо государственный аппарат, который должен был бы бороться за законность и карать нарушителей закона, есть плоть от плоти монополий.

Значительно повлияла—прежде всего на круг совершающих договоры лиц—та непосредственная хозяйственная деятельность, которую империалистические государства особенно развили во время второй мировой войны и которая означала по существу вытеснение на соответствующих участках хозяйственной жизни государственными предприятиями, за которыми стоял тот же монополистический финансовый капитал, всех других участников гражданского оборота. Понятно, что для договоров, которые совершались непосредственно государством, нередко устанавливались и некоторые специальные правила, отчего еще больше возрастала пестрота правил гражданского права и неустойчивость гражданского оборота.

Глубоко изменилось и отношение судов к содержанию договора. Все законодательства лишают юридической силы, объявляют ничтожным договор, содержание которого „противозаконно“ или противоречит „добрым нравам“ (Франция, Германия), нравственности (Англия, США), общественному порядку (Франция, Англия, США). Но что такое „добрые нравы“? Что предписывает „нравственность“? Как понимать в том или другом случае „общественный порядок“? На все эти вопросы буржуазный суд отвечает так, как этого требуют в момент, когда выносятся судебное решение, те конкретные интересы, которым он в данный момент, прежде всего, непосредственно служит. Недаром нормы о ничтожности договоров, противных „добрым нравам“, нравственности, общественному порядку и т. п., давно названы „каучуковыми“. И с каждым днем эти „каучуковые“ нормы растягиваются в таком направлении, понятия „добрые нравы“, „общественный порядок“ толкуются так, что все больше и больше договоров, совершаемых монополистическими организациями, осуществляется безнаказанно, хотя их противозаконный, нередко преступный смысл, очевиден.

Английское „общее право“, редицированное США, с давних пор считает противоправным и потому ничтожным договор, направленный на ограничение свободы торговой или иной промысловой деятельности (*restreint of trade*). Уже английские судебные решения XV в. считали это положение твердо установившимся и несомненным. В обоснование его долгое время при-

водили два соображения: 1) договоры об ограничении свободы промышленной деятельности приводят к возникновению вредных с общественной точки зрения монополий, 2) они лишают оборот нередко весьма ценных услуг отдельных торговых промышленных деятелей или иных лиц, занимающихся полезной деятельностью.

Но, как указывает один американский коммерсиалист, „доктрина общего права мало ограждала, если вообще ограждала оборот от вредных последствий договоров об ограничении промышленной деятельности“. С приближением к периоду империализма английские и американские суды все чаще обнаруживали, что отдельными договорами устанавливается „разумное (подчеркнуто нами.—Е. Ф.) ограничение торговли“—характеристика, которую тот же американский коммерсиалист считает „лишенной сама по себе смысла“, тем более, что суды применяли произвольные критерии в оценке разумности отдельных договоров¹. Другой американский коммерсиалист также указывает: „С давних пор суды считают, что договоры о неразумном ограничении свободы промышленной деятельности противоречат общественному порядку (public policy) и потому ничтожны... Но в каких случаях договор противоречит общественному порядку, зависит от нашей концепции общественного порядка. Общественный порядок изменяется с переменой места и истечением времени... Договор, который может быть признан действительным в одном месте, может в то же время оказаться недействительным в другом“².

И вот, говорят американские юристы, чтобы положить конец неопределенности в этой области, чтобы „твердо обеспечить“ ничтожность договоров об ограничении свободы промышленной деятельности как противных общественному порядку и установить уголовную ответственность лиц, вступающих в такие договоры, в США был издан известный федеральный „антитрестовский“ закон Шермана 1890 г., дополненный затем рядом однородных законов отдельных штатов.

„Всякий договор, соглашение в форме треста или иной, либо договор, направленный на ограничение свободы промысла или торговли в пределах штатов или с иностранцами, объявляется противозаконным... Всякое лицо, которое будет действовать как монополист или стремиться к монополии или вступит в соглашение с другим лицом или другими лицами о том, чтобы монополизировать какую-либо область промышленной или торговой деятельности в пределах штатов или в отношении с иностранцами, будет виновно в преступлении“,—так гласит закон Шермана.

¹ William H. Schramper, Law in its application to business, New York, 1945 стр. 178—179.

² Lusk, указ. соч., стр. 142, 154.

1890 год—это время, когда монополии, по указанию В. И. Ленина, „еще не прочны“, еще „преходящее явление“¹. Однако расплывчатые положения закона явственно указывали на широкую возможность его произвольного толкования. Суд США использует эту возможность все шире по мере утверждения влияния монополий.

Верховный суд США, говорят американская литература по торговому праву, руководствуется в применении этого закона сложившейся на почве общего права (Common law) доктриной „разумности“. Он признал, что создание комбинированного предприятия само по себе не есть ограничение промысловой деятельности. „Большое предприятие еще не есть дурное предприятие,—сказал Верховный суд“².

И каких только договоров не совершают в США большие предприятия!

Комиссия по военным делам сената США опубликовала в 1944 г. монографию Корвина Эдвардса „Международные картели в экономике и политике“. Эта монография составлена из материалов об отношениях американских монополий с их компаниями за границей, собранных для возбуждения против ряда монополий судебных дел о действиях, препятствовавших военной подготовке США, а иногда и непосредственно помогавших противнику во время второй мировой войны. Книга эта (переведенная на русский язык под редакцией М. Рубинштейна) языком беспристрастного репортажа излагает поистине страшную повесть бесчеловечных преступлений, повседневно совершаемых монополистическими организациями в „приличной“ форме заключения договоров, подписания соглашений, принятия на себя обязательств. Все эти договоры, независимо от их конкретного содержания, направлены на одну цель: извлечение договаривающимися сторонами как можно более высокой прибыли. Средства же, которыми достигается эта цель, бесконечно разнообразны, но почти все они имеют общую черту: все эти средства нарушают не только закон, но и элементарнейшие требования человечности. Здесь и соглашение о поддержании цен на высоком уровне, лишаящее потребителя возможности удовлетворять в нужных ему пределах ту или иную потребность. Здесь и соглашения об ухудшении качества продукции, об изъятии из продажи продукции, более высокого качества для того, чтобы она не вытесняла продукцию, уже завоевавшую рынок, о сокращении срока службы определенных предметов, например, электроламп, в целях сбыта их в большом количестве (соглашение американских фирм „Дженераль Электрик“ и „Вестингауз“ с европейскими электрическими компаниями 1932 г.), об ограничении производства, сбыта, экспорта опреде-

¹ Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. XIX, стр. 86.

² Schrampf, указ. соч., стр. 180.

ленных товаров (стальной картель, оловянный картель, учрежденный в 1931 г. международным соглашением правительств Боливии, Голландской Ост-Индии, Нигерии и Британской Малайи после того, как в 1929 г. вследствие разногласий между заинтересованными лицами не удалось частно-правовыми способами снизить выпуск олова). Здесь и соглашения об обходе таможенного законодательства, например, о ввозе продуктов не под патентным, а под химическим их наименованием, что дает возможность рассматривать их как полуфабрикаты, облагаемые более низкой ввозной пошлиной (соглашение И. Г. Фарбениндурии и американской фирмы „Байер“), соглашения об обходе законов о налогах путем включения части прибылей, отчисляемой одним из контрагентов другому, в расходы последнего по операциям (И. Г. Фарбениндурии и американская фирма „Стерлинг Продактс“). Здесь и многочисленные соглашения между германскими концернами и предприятиями союзников в различных отраслях военной промышленности, которые немало помогли возрождению германского военного производства после первой мировой войны. Здесь и соглашение о передаче информации военного значения во время второй мировой войны (Ломб Оптикал К^о в США и Карл Цейсс в Германии; германская фирма Роберт Бош и американский Бош Корпорейшен); о мерах против экономической войны, о платежах за границей с прорывом блокады, о борьбе с секвестром вражеской собственности (Дюпон и Фарбениндурии) и множество других соглашений о преступных действиях соглашающихся.

Понятно, что договоры, подобные только что перечисленным, в суд по гражданским делам почти не попадают. Контрагенты по таким договорам и не нуждаются в содействии суда: у каждого из них есть в запасе не одно средство внесудебного принуждения для воздействия на другого. Но, увы, такие договоры лишь в очень редких случаях становятся предметом разбирательства для суда по уголовным делам. Договоры, подобные только что приведенным, — яркое свидетельство состояния законности и морали как монополистических организаций, так и неразрывно с ними связанного аппарата империалистических государств, трагически смешного в своей неискренней, а потому и бессильной „борьбе“ со злоупотреблениями монополий. Правильно указывает предисловие к русскому переводу книги Эдвардса: „процессы против монополий оказались, как правило, безрезультатными“¹.

Можно сказать больше: не только суды, но иногда и законодательство, как будто ведущее борьбу с монополиями, открывает им путь безнаказанного совершения преступления. Ввиду того что закон Шермана, невзирая на всю легкость его обхода,

¹ Корвин Д. Эдвардс, Международные картели в экономике, в переводе под редакцией М. Рубинштейна, стр. 9.

все же ставил американских предпринимателей в невыгодные условия по сравнению с иностранными картелями в отношении экспорта американских товаров, закон Вебб-Поммерна 1918 г. разрешил американским капиталистам организацию экспортных объединений, изъяв эти соглашения из действий антитрестовских законов.

Изложенное позволяет сказать: печальной иронией звучит старое положение всех систем буржуазного гражданского права о том, что содержание договора должно быть законным и не противоречить добрым нравам и общественному порядку.

Такой же иронией звучит в наши дни и другое относящееся к договорам положение буржуазного гражданского права о том, что договоры имеют силу закона для заключивших их сторон (ст. 1134 французского гражданского кодекса), что они „святы“, обязывают „абсолютно“ (доктрина английского „общего права“), ибо, служа монополистическому капиталу, буржуазный суд в условиях той крайней неустойчивости хозяйственной жизни, которая присуща периоду империализма, давно стал не только охранять силу заключенных договоров, но и корректировать договоры и освобождать от их исполнения, когда суд считает, что того требуют обстоятельства, при которых выносятся судебные решения.

Первая мировая война резко изменила экономическую конъюнктуру. Нарушились транспортные связи между странами, изменилось соотношение спроса и предложения, резко поднялись цены на большинство товаров. И с 1915—1916 гг. встал вопрос: применимо ли учение о безусловной обязательной силе договоров к тем договорам, которые были заключены до войны? Можно ли считать должника обязанным к исполнению обязательств, принятых им на себя в хозяйственных условиях, коренным образом отличных от условий, какие сложились к моменту, когда наступил срок исполнения этих обязательств?

Действовавшее законодательство и вековая судебная и административная практика обязывали дать на этот вопрос положительный ответ. Однако интересы целого ряда монополистических организаций, заключивших до войны не один договор о длительных и крупных поставках, о производстве на подрядных условиях крупных строительных работ и т. п., побудили практику разных стран встать на иной путь.

Глубочайший экономический кризис 1929—1933 гг., наступивший после кратковременной стабилизации (1924—1929 гг.), произошел в условиях общего кризиса капитализма, затронул денежное обращение и расшатал все хозяйственные связи капиталистических государств.

И из архива юридических учений еще в условиях первой мировой войны было извлечено возникшее в XIII в. и изгнанное, казалось, с победой буржуазного строя в конце XVIII в. „учение о непредвиденных обстоятельствах“, о предполагаемой

в каждом договоре оговорке о неизменности обстоятельств, при которых договор был заключен (*clausula rebus sic stantibus*), учение, приобретающее все большее влияние в период кризиса, а затем и второй мировой войны.

Возрождение этого учения означало предоставление судам права „регулировать“ хозяйственные отношения путем изменения ранее заключенных договоров или признания их утратившими силу. Эта попытка с помощью суда смягчить последствия резкого изменения цен путем приспособления договоров к изменившимся условиям, не ослабив, конечно, влияния изменений конъюнктуры, внесла в оборот полную неопределенность договорных обязательств, содержание и сила которых стали определяться в конечном итоге судебским усмотрением, то и дело переходящим в судебный произвол.

Прежде всего стали применять это учение органы французской административной юстиции, разрешавшие споры из договоров с казной о поставках и подрядах и из концессионных договоров. Высший орган этой юстиции—Государственный совет—в решении 1916 г. по делу газовой компании г. Бордо признал, что непредвиденные обстоятельства (например, чрезвычайный рост цен на рабочие руки и материалы) служат основанием для изменения тарифов за пользование газом. Укрепившись с этих пор в практике органов административной юстиции, „учение“ о непредвиденных обстоятельствах проникло затем и в практику низших гражданских судов. А когда против этого учения, во имя устойчивости гражданского оборота, выступил кассационный суд, то вмешался законодатель: два закона Fayot 1918—1922 гг. допустили изменение судом в соответствии с изменившейся конъюнктурой договоров поставки и других торговых сделок по требованию сторон. Затем последовал длинный ряд законов о пересмотре договоров найма жилых и торговых промышленных помещений. Всего между первой и второй мировыми войнами было издано 28 постановлений об изменении договоров найма помещений: о повышении наемной платы, затем о ее понижении, далее об установлении ее в арбитражном порядке и т. д. В результате, как то признают и некоторые буржуазные ученые, возникает „опасность для самого понятия „договор“ и для понятия верности данному слову. Частое вмешательство законодателя в сферу вопросов о силе заключенного договора стало источником трудностей, почвой для судебных споров и увлекает парламент на скользкий путь, на котором ему трудно удержаться“¹.

Особенно показательна картина крушения принципа „святости договора“ в Англии. Английское право долгое время не допускало никаких оснований к освобождению должника от принятых им на себя по договору обязательств. Договор, гово-

¹ Colin et. Capitant, указ соч., т. II, стр. 630.

рили английские юристы, и судебная практика, есть выражение свободной воли сторон. При его заключении каждая из сторон могла выговорить себе право отступить от договора при наличии тех или иных обстоятельств. Раз стороны этого не сделали, они обязаны „абсолютно“. А так как обязанность контрагента по договору заключается, по английской концепции, в „гарантии“ кредитору определенной, выраженной в деньгах выгоды, то нет оснований когда бы то ни было говорить о невозможности исполнения обязательств: деньги в обороте имеются всегда.

Но в 1918 г. английский суд впервые признал, что резкое изменение экономической конъюнктуры освобождает строительную организацию от принятых ею на себя по договору подряда обязанностей. В 1921 г. однородное решение было вынесено по спору из договора поставки. С этих пор в английском праве последовательно и настойчиво утверждает свое значение антипод старого учения о святости договора—теория *frustration*. Под *frustration* как основанием освобождения сторон от принятых на себя по договору обязанностей понимают в одних случаях гибель вещи, из существования которой стороны исходили, вступая в договор, в других случаях—отпадение цели, с которой договор связан выраженной в нем волей сторон; в третьих случаях—настолько резкое изменение условий, при которых договор был заключен, что невозможно предположить, что, будучи разумными, стороны не предусмотрели бы в договоре прекращения его действия, если бы могли предвидеть это изменение условий. Так, прикрываясь толкованием воли сторон и якобы охраняя исконное начало свободы договора, суд по существу дела отступает от этого начала, ибо предполагаемую им разумную волю ставит на место воли, выраженной сторонами в договоре, а вместе с тем разрушает и старое учение о „святости договора“.

Правда, судебная практика не раз указывала на то, что учение о *frustration* должно применяться только в случае „экономической невозможности“, а не просто крайней затруднительности или даже разорительности исполнения для должника. Но от этого неустойчивость, внесенная в сферу договорных отношений понятием *frustration*, не стала меньше, ибо найти грань, отделяющую „экономическую невозможность“ от крайней затруднительности исполнения договора, невозможно.

В 1943 г. английское законодательство закрепило идею *frustration*, урегулировав особым постановлением расчеты сторон по договорам, прекратившимся вследствие *frustration*.

Доктрина неизменности обстоятельств очень отчетливо выражена и в практике Верховного суда США. В решении, вынесенном в 1929 г., Верховный суд США говорит: „Если стороны вступают в договор при обоюдном предположении, что существует определенное положение вещей, относящееся к существованию договора, то несуществование этого положения вещей, незави-

симое от неисправности той и другой стороны, прекращает обязательства сторон и препятствует возникновению обязательств, зависящих от этого положения"¹.

Таким образом, идея *clausula rebus sic stantibus*, оговорки о неизменности обстоятельств, при которых договор был совершен, пустила прочные корни в судебной практике разных стран: поэтому нет ничего удивительного, что один из новейших гражданских кодексов и в то же время один из крупнейших кодексов периода империализма — итальянский гражданский кодекс — также закрепил эту оговорку. Ст. 1467 итальянского гражданского кодекса гласит: „Если в договоре с длящимся или периодическим исполнением или с рассрочкой исполнения, исполнение стало для одной из сторон чрезвычайно обременительным, вследствие наступления чрезвычайных и непредвиденных обстоятельств, то обязанное лицо может требовать прекращения договора“.

Успех „оговорки о неизменности обстоятельств“ объясняется одинаковой во всех странах экономической обстановкой в условиях империализма: обострением анархии экономической жизни и неразрывно с нею связанным глубоким упадком буржуазной законности.

* * *

Изложенный выше обзор современного положения основных институтов буржуазного гражданского права в империалистических странах обязывает еще раз сказать: право, как и религия, не имеет своей собственной истории. Экономическое господство монополий поставило и гражданское право империалистических стран на службу тем же монополиям. А, служа монополиям, гражданское право не может не выражать основных явлений империализма как высшей стадии капитализма: экономического паразитизма, усиления эксплуатации и обострения анархии экономической жизни. Все эти явления влекут за собой и общий упадок буржуазной законности. И понятно, что никакие законодательные мероприятия, неизбежно лицемерные и заведомо бессильные, „оздоровления“ гражданского оборота империалистических стран принести не могут, ибо не может быть „оздоровления“ экономического базиса, на котором развивается гражданское право периода империализма.

00844165

ЮФ СПбГУ

¹ Цит. по названной выше книге Schranepfer, стр. 229.